

ОРИГЕНЪ И ЕГО ПРОПОВѢДИ.

(Продолженіе*):

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОПОВѢДЕЙ ОРИГЕНА.

Проповѣдывалъ Оригенъ, какъ показываютъ дошедшія до насъ его бесѣды, съ бібліею въ рукахъ, и проповѣдь его была не чѣмъ инымъ, какъ изъясненіемъ священнаго Писанія. Въ числѣ его проповѣдей, сохранившихся до нашего времени, нѣтъ ни одной, которая бы не имѣла непосредственнаго отношенія къ Писанію и не была изъяснительною бесѣдою. Предъ произнесеніемъ проповѣди прочитывался ¹⁾ анагностомъ (а иногда и самимъ проповѣдникомъ) назначенный для изъясненія отдѣлъ Писанія. Но этотъ отдѣлъ не былъ похожъ на наши теперешнія біблейскія зачала или перикопы, приуроченныя къ тому или другому церковному дню или празднику, и въ отрывочномъ видѣ читаемыя при богослуженіи. Въ вѣкъ Оригена читались и изъяснялись біблейскія книги по порядку главъ и стиховъ текста, и при этомъ чтеніи не сообразовались большею частію съ обстоятельствомъ церковнаго года. Книгу для чтенія и изъясненія назначалъ предстоятель церкви или избиралъ съ его соизволенія проповѣдникъ, если онъ въ іерар-

*) См. Труды Кіев. дух. Академія, февраль 1879 г.

¹⁾ In Gen. hom. VII. Patr. c. compl. t. XII. col. 198. In Gen. hom. XII. P. c. c. t. XII. c. 225. In Exod. h. XII. P. c. c. t. XII. col. 382. In Lev. hom. VII. P. c. c. t. XII. col. 475. In Num. hom. XV. P. c. c. t. XII. col. 683.

Труды Кіевск. Академія, 1879 г. т. III.

хическомъ отношеніи былъ лицо подчиненное, какъ это имѣло мѣсто по отношенію къ Оригену. Для удобства при изъясненіи книгу раздѣляли на отдѣлы довольно короткіе, которые послѣдовательно одинъ за другимъ проходилъ изъясненіемъ проповѣдникъ. Порядка изъясняемаго текста Оригенъ въ своихъ бесѣдахъ держался довольно строго, и одну тираду за другою изъяснялъ изо дня въ день, не обращая вниманія на то, былъ ли то будній день или нарочитый праздникъ, и имѣла ли какое либо отношеніе къ празднуемому въ церкви событію изъясняемая часть книги. Такъ начавши изъяснять книгу пророка Исаіи во дни великаго поста, онъ не перерываетъ своего рядоваго изъясненія книги въ страстную недѣлю, и пятая бесѣда его на эту книгу, гдѣ онъ изъясняетъ видѣніе Исаіею Бога, сидящаго на престолѣ славы и окруженнаго серафимами (гл. VI), сказана имъ въ великую пятницу, когда по случаю воспоминаванія страстей Христовыхъ было въ церкви большое собраніе народа, о чемъ онъ самъ свидѣтельствуетъ, прося собравшихся молить всемогущаго Бога, чтобы низошло на него слово Божіе, которое бы помогло ему уразумѣть великія тайны пророческія ¹⁾).

Вниманіе Оригена, какъ толкователя Писанія, одинаково посвящено было книгамъ какъ ветхаго, такъ и новаго завѣта. Но на церковной каеедрѣ, не смотря на большую назидательность и близость къ сердцу христіанскому новозавѣтнаго откровенія, едва ли не чаще приходилось Оригену изъяснять ветхозавѣтныя библейскія книги; по крайней мѣрѣ до насъ дошло отъ него гораздо больше бесѣдъ на книги ветхаго завѣта, чѣмъ на книги новаго. Это зависѣло отъ того, что въ вѣкъ Оригена еще оказывала сильное вліяніе практика первенствующей церкви, въ которой при богослуженіи въ большемъ употребленіи были священныя книги

¹⁾ In Isaiam hom. V. 2. Patr. e. compl. T. XIII. col. 236.

ветхаго завѣта, чѣмъ новаго, частію изъ вниманія къ преданіямъ іудейской церкви, имѣвшимъ значительное воздѣйствіе на образованіе христіанскаго богослуженія, частію въ силу необходимости, призначительно меньшемъ распространеніи новыхъ священныхъ книгъ сравнительно съ ветхозавѣтными книгами, давно всѣмъ извѣстными и находившимися во всѣхъ общинахъ.

Оригенъ въ изъясненіи библейскихъ книгъ слѣдуетъ порядку стиховъ текста. Изъ каждаго предложенія, изъ каждаго слова и буквы онъ умѣетъ извлекать особенные и разнообразные смыслы, для назиданія своихъ слушателей. Но живая церковная бесѣда подчинена особымъ условіямъ и ограниченіямъ, при которыхъ невозможно передать слушателямъ все то, что возбуждается и вызывается въ такомъ плодovitомъ умѣ, какъ оригеновскій, каждымъ стихомъ извѣстнаго, прочитаннаго въ церкви, библейскаго отдѣла. Иначе бесѣда могла бы распуститься въ неопредѣленную величину, и утомить вниманіе слушателей. По этимъ соображеніямъ Оригенъ черѣдко оставляетъ безъ объясненія въ бесѣдахъ тѣ или другіе пункты разсматриваемаго имъ отдѣла, и сосредоточивается на важнѣйшихъ и больше содер­жательныхъ или болѣе назидательныхъ изъ нихъ.

Церковная бесѣда, въ намѣреніяхъ Оригена, не была главнымъ родомъ сочиненія, предназначеннымъ для уясненія всей глубины смысла Писанія. Главная цѣль, здѣсь имѣвшаяся въ виду у него,—не изслѣдованіе Писанія, а назиданіе слушателей. Высшихъ тайнъ или сокровенной въ Писаніи мудрости онъ касается здѣсь, но не вполне, а только отчасти, по мѣрѣ восприимлемости слушателей, изъ которыхъ далеко не всѣ способны были къ воспріятію высшаго вѣдѣнія.

У него три рода изъясненій на Писаніе: схолиі, комментаріи или томы, и бесѣды или гомиліи. Схолиі—это короткія отрывочныя объясненія болѣе темныхъ мѣстъ или мало понятныхъ словъ Писанія, или простыя примѣчанія,

способствующія уразумѣнію чего либо несовсѣмъ понятнаго въ Писаніи. Комментаріи, которыя у Оригена называются томами,—самый главный родъ толкованія. Они представляютъ изъ себя кабинетную ученую работу: въ нихъ Оригенъ не довольствуется общеупотребительнымъ библейскимъ текстомъ, а сноситъ его съ другими текстами и по временамъ обращается къ еврейскому; въ нихъ въ связной широкой рѣчи толкователь старается раскрыть всю глубину мудрости Писанія, и при этомъ показываетъ всю силу своего ума и все богатство своего знанія; здѣсь, въ комментаріяхъ, Оригенъ въ особенности изслѣдуетъ таинственный смыслъ, который прямо не открывается читающему Писанію, и который между тѣмъ онъ считаетъ самымъ главнымъ и высшимъ между другими смыслами. Гомиліи составляютъ средній родъ между этими двумя способами или видами толкованія Писанія. Въ нихъ нѣтъ той отрывочности и бѣглости, какую отличаются схолиі, но нѣтъ и той широты и ученой тщательности, какая видна въ комментаріяхъ; когда говорилъ ихъ Оригенъ, мнрою его словъ былъ не объективный смыслъ Писанія, а съ одной стороны пониманіе, съ другой нравственная польза слушателей ¹⁾).

Самъ Оригенъ въ своихъ бесѣдахъ не разъ опредѣляетъ задачу гомилетическаго рода изъясненія Писанія и

¹⁾ Различіе между этими тремя родами толкованія указываетъ Иеронимъ въ предисловіи къ своему переводу бесѣдъ Оригена на книгу пророка Іезекііа. „Оригеновы творенія на все Писаніе (говоритъ Иеронимъ) троякаго рода. Первый родъ его выписки, которыя по гречески называются *схѳліа*, въ которыхъ онъ слегка и кратко объяснилъ то, что ему казалось темнымъ и что возбуждало у него какое либо недоумѣніе. Второй—гомилетическій родъ, къ которому принадлежитъ и настоящее толкованіе его (т. е. бесѣды на Іезекііа). Третій родъ—, который онъ самъ называлъ *тѳрос*, мы можемъ назвать книгами (*volumina*): въ этомъ твореніи онъ распустилъ всѣ паруса своего генія и отчаливши отъ земли устремился въ средину моря“. Prologus Hieronymi in Ezechielem. Patr. graecae cursus completus. T. XIII. col. 665--6.

въ этомъ случаѣ онъ замѣчаетъ, что подробное, ничего не опускающее, изъясненіе священнаго Писанія не можетъ быть дѣломъ экзегета—проповѣдника. „Многое было читано въ прошломъ чтеніи, изъ чего мы по краткости времени изъяснили очень немногое (читаемъ мы въ началѣ одной бесѣды Оригена на книгу Левитъ) ¹⁾. Ибо мы теперь несемъ служеніе не изъясненія Писанія, но назиданія церкви, хотя и изъ того, что нами прежде было говорено, всякій благоразумный слушатель можетъ найти ясныя стези къ уразумѣнію. И потому изъ того, что нынѣ прочитано, мы, не имѣя возможности изъяснить всего, соберемъ нѣчто, могущее назидать слушателей, какъ бы нѣкоторые цвѣтки съ полнаго поля, благословеннаго Господомъ“. Подобныхъ заявленій, ограничивающихъ задачу обще-церковнаго толкованія Писанія при богослуженіи, и отличающихъ бесѣду отъ комментарія, работы кабинетной, въ бесѣдахъ Оригена можно найти очень много. Такъ въ 3-й бесѣдѣ на книгу Исходъ, объясняя исторію посольства Моисея и Аарона къ фараону съ цѣлю склонить его отпустить сыновъ Израиля изъ Египта (гл. IV и V), Оригенъ не входитъ въ подробное объясненіе cadaго пункта текста, и ссылаясь на то, что было бы слишкомъ долго говорить о каждомъ изъ нихъ порознь, приглашаетъ своихъ слушателей внимательнѣе обсудить то, что говорятъ Моисей и Ааронъ, пришедши къ фараону ²⁾. Далѣе, въ 4-й бесѣдѣ на ту же книгу ³⁾, приступая къ изъясненію исторіи о десяти казняхъ египетскихъ, проповѣдникъ замѣчаетъ: „послику долго изъяснять въ отдѣльности всѣ изреченія Писанія по порядку, то мы рассмотримъ вкраткѣ главную суть всей исторіи“, и затѣмъ продолжаетъ, соответственно своему заявленію, изъяснять кажущіеся ему наиболѣе видными и возбуждаю-

¹⁾ In Levit. hom. VII. n. I. Patr. c. compl. t. XII. col. 475.

²⁾ In Exod. hom. III. n. 3. P. c. c. T. XII. col. 312—313.

³⁾ In Exod. h. IV. n. I. P. c. c. T. XII. col. 317.

шіе наиболѣе недоумѣній пункты широкой и многосодержательной исторіи. Четырнадцатую бесѣду на книгу Числъ (о Валаамѣ и ослицѣ его) Оригенъ начинаетъ признаніемъ того, что въ предыдущей бесѣдѣ, посвященной тому же чтенію (о Валаамѣ), многое осталось безъ изъясненія, и причину этого указываетъ въ томъ, что бесѣда, говоримая въ церкви для назиданія, продолжается только нѣкоторое время: „потому (замѣчаетъ онъ) мы не имѣли столько времени, чтобы разсмотрѣть каждое слово Писанія и предложить такое изъясненіе его, чтобы ничто не осталось неизслѣдованнымъ, такъ какъ объясненіе подобнаго рода скорѣе дѣло комментарія, чѣмъ бесѣды“¹⁾.

Иногда мѣста Писанія и въ нихъ отдѣльные пункты для изъясненія указывались проповѣднику епископами. Это видно изъ 13-й бесѣды на книгу пророка Іезекіиля, которую Оригенъ начинаетъ словами: „приказано намъ епископами разсмотрѣть рѣчь на царя тирскаго, чтобы мы уяснили похвалы ему и вины его; а также велѣно что либо сказать и о фараонѣ, царѣ египетскомъ (гл. XXVIII и XXIX)²⁾. Сказавши довольно много о царѣ тирскомъ (XXVIII, 1—19), хотя и не входя въ обстоятельный разборъ всего текста рѣчи на царя тирскаго, Оригенъ чувствуетъ, что онъ исполнилъ только половину порученія епископа, а между тѣмъ затянувшаяся бесѣда должна была приближаться къ концу. Потому въ послѣднемъ отдѣленіи своей бесѣды, припоминая данное ему повелѣніе говорить о Тирѣ, Сидонѣ и Фараонѣ, Оригенъ какъ бы извиняется, что онъ по обстоятельствамъ времени не можетъ выполнить какъ слѣдуетъ даннаго ему повелѣнія. „Тѣснота времени (говоритъ онъ) не позволила намъ вполне довершить и то, что начали (о царѣ тирскомъ), а то, что предлежитъ намъ развѣ-

¹⁾ In Numeros hom. XIV, n. I. P. c. c. T. XII. col. 676.

²⁾ In Ezechielem hom. XXIII n. 1. P. c. c. T. XIII. col. 757.

яснить (о Сидонѣ, XXVIII, 20—26, и о Фараонѣ, XXIX, 1—16), мы должны обозрѣть кратко какъ бы по обычаю толковательныхъ замѣчаній (схолій)¹⁾.

Случалось, что и слушатели обращали вниманіе проповѣдника на что либо въ Писаніи, ихъ интересовавшее и не волея для нихъ ясное, и просили его подробнѣе рассмотреть это. Иногда оставалось для нихъ не выясненнымъ иное въ отдѣлахъ библии, читанныхъ и толкованныхъ прежде,—наканунѣ или третьяго дня,—и они заявляли предъ проповѣдникомъ желаніе, чтобы онъ возвратился своимъ изъясненіемъ къ прочитанному въ прежніе дни, и Оригенъ по мѣрѣ возможности старался удовлетворить подобнымъ заявленіямъ, отступая отъ порядка чтеній. Такъ пятнадцатую бесѣду на книгу Числъ (о пророчествѣ Валаама) Оригенъ начинаетъ: „хотя порядокъ предлагаемыхъ чтеній требовалъ отъ насъ говорить скорѣе о томъ, о чемъ читалъ анагностъ, но поелику нѣкоторые изъ братій просятъ насъ подвергнуть лучше обсужденію то, что написано о пророчествѣ Валаама, то я сочелъ справедливымъ удовлетворить не столько порядку чтеній, сколько желаніямъ слушателей“²⁾.

Къ уясненію духа, характера и содержанія проповѣдей Оригена служатъ во первыхъ метафизическія основанія его міровоззрѣнія и во вторыхъ его герменевтическая метода.

Проповѣдь не была тѣмъ родомъ сочиненія, гдѣ находили для себя полное выраженіе основныя начала міровоззрѣнія Оригенова. Здѣсь онъ служитъ не столько истинѣ самой въ себѣ, сколько слушателямъ, т. е. здѣсь, въ церковной бесѣдѣ, сообразуясь съ мѣрою воспріимлемости слушателей, онъ излагаетъ только часть истины, а не всю ее. Имѣя

¹⁾ In Ezechielem hom. XIII n. 4. P. e. c. T. XIII col. 764.

²⁾ In Numeros hom. XV, n. 1. P. e. c. T. XII. col. 683.

предъ церковною каедрою смѣшанную толпу, не достигшую такой степени умственной зрѣлости, чтобы понимать предметы высшаго вѣдѣнія и приспособляясь къ ихъ слабости, онъ сдерживаетъ предъ нею полеты своего ума, и находитъ опаснымъ расточать предъ всѣми сокровища высшей таинственной мудрости. Высшая божественная истина, по представленію Оригена, сокрыта во внутреннемъ святилищѣ, доступномъ не для всѣхъ, а только для однихъ избранныхъ и посвященныхъ и только съ совершенными учитель церкви занимается въ немъ высшими тайнами; народная толпа всегда остается внѣ этого святилища, и когда нужно говорить ей, учитель церкви выходитъ изъ святилища и передаетъ ей только то, что подобаетъ ей, что достаточно для немогущихъ проникнуть въ самое святилище ¹⁾. Для развитія глубочайшихъ тайнъ и высшихъ созерцаній служили у Оригена сочиненія, подобныя его творенію „о началахъ“, и тѣ комментаріи, которые онъ называлъ томами, которые онъ составлялъ внутри своего кабинета, и которые посвятилъ всестороннему разсмотрѣнію внутренняго смысла Писанія, не считаясь въ развитіи своихъ мыслей съ воспріемлемостію читателей подобно тому, какъ это имѣло мѣсто въ общенародныхъ церковныхъ изъясненіяхъ Писанія. Но и въ бесѣдахъ разсѣяно не мало элементовъ высшаго вѣдѣнія. Проповѣдь вырастаетъ изъ тѣхъ же началъ, какими вообще руководится мысль христіанскаго философа, и ее окружаетъ, такъ сказать, та умственная атмосфера, въ какой жилъ Оригенъ. Тѣ частныя мысли, какія составляютъ ея содержаніе,—отдѣльные звуки, изъ которыхъ каждый болѣе или менѣе напоминаетъ о силѣ и направленіи того артиста, какой вызываетъ ихъ. Полагая высшее благо и высшую мудрость въ постиженіи божественнаго міра, и считая это постиженіе принадлежностію высшаго искомаго совершенства, Оригенъ не могъ не вести по мѣрѣ возмож-

1) In Numeros hom. VI. n. 1. P. c. e. T. XII. col. 607.

ности къ этому совершенству тѣхъ, которые изъ его устъ ждали себѣ просвѣщенія духовнаго и уясненія своей вѣры. Потому стремленіе, лежащее въ основѣ міросозерцанія Оригена, живо и дѣйственно у него, когда онъ является и на церковной катедрѣ, и оно вызываетъ постоянно у Оригена такія мысли и представленія, которыя, поднимая покровъ буквы Писанія, указываютъ на сокровенное въ святилищѣ вѣры Христовой.

Точка зрѣнія Оригена можетъ быть охарактеризована именемъ христіанскаго идеализма. Глубокій умъ Оригена, при воззрѣніи на вещи, не довольствовался видимостію ихъ, а старался проникать до внутренней сокровенной основы ихъ. Его созерцаніе было быстро и возвышенно, и оно уносило его за предѣлы земнаго бытія въ область духа и идеи. Направленіе его руководителей (Климентъ и Аммоніа Саккаса) и общее движеніе философствующей мысли въ Александрію, гдѣ развивался его умъ, усиливали его природную полетность. Онъ изучалъ и зналъ системы пифагорейцевъ, стоиковъ, и неоплатониковъ, но особеннымъ его сочувствіемъ пользовался возвышенный Платонъ, представитель древне-греческаго идеализма¹⁾. Вѣяніе духовнѣйшаго идеализма чувствуется во всемъ, что выходило изъ подъ пера и мысли Оригена.

Оригенъ былъ человѣкъ вѣрующій. Но та вѣра, которая служитъ общимъ достояніемъ народа, не удовлетворяетъ избранныхъ, и не есть послѣдняя цѣль стремленій философа. Она первое начало знанія и первая ступень къ высшей мудрости. Ею могутъ довольствоваться только младенцы, не могущіе переваривать болѣе твердой пищи. На основаніи простой вѣры онъ созидаетъ высшее знаніе, и въ высшемъ знаніи хочетъ искать удовлетворенія запросамъ неустанно работающей мысли. Вездѣ онъ различаетъ плоть

¹⁾ Ист. Евс. VI, 19.

и духъ, видимое и невидимое, и это у него находить самое широкое приложеніе и къ христіанству. На что бы ни натолкнулась его мысль, все это было для нея намекомъ на высшее, таинственное, прямо не зримое нашимъ глазомъ. Предъ его созерцаніемъ постоянно носился образъ міра духовнаго, божественнаго, предъ которымъ наши матеріальныя вещи мѣ ду Платона. Христіанское откровеніе приподнимало завѣсу съ этого невидимаго міра, и лучи свѣта имъ принесеннаго осіявали для насъ таинственную область божественнаго. Но глазъ мудреца не хотѣлъ довольствоваться зрѣніемъ того, что видно было ему въ божественномъ съ нашей земной юдоли, при пособіи откровенія: онъ желалъ бы стать въ средоточіи божественнаго міра и видѣть его не отчасти только, не издалека въ тускломъ мерцаніи, а съ полнотою и ясностію непосредственнаго зрителя. Есть плотскіе христіане, которые ничего не видятъ дальше буквы откровенія и дальше внѣшнихъ событій исторіи, и есть христіане духовные, высшіе и совершенные. Послѣдніе признаютъ объективную исторію христіанства, но на ней одной не останавливаются: подъ покровомъ внѣшней исторіи они хотятъ видѣть силы невидимыя, проблески жизни божественной; подъ покровомъ внѣшняго евангелія и откровенія Христа они созерцаютъ откровеніе вѣчнодѣйствующаго божественнаго Логоса. Высочайшая задача христіанскаго мыслителя, рѣшеніе которой всегда въ виду у Оригена, — видѣть въ чувственномъ явленіи Христа его духовное откровеніе, Евангеліе простое переводить въ Евангеліе духовное и уразумѣвать откровеніе вѣчнаго плана необъятно-широкаго домостроительства Божія. Къ слову о крестѣ Оригенъ относится съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, и со слезами горячей любви и благодарности лобызаетъ спасительныя язвы нашего Господа, безъ которыхъ мы были бы родомъ погибельнымъ. Но его умъ, полный неудержимыхъ стремленій не замыкалъ себя въ границахъ слова крестнаго, вазавшихся ему тѣсными. Для мудрости совершенныхъ

слово крестное, какъ его проповѣдуетъ Евангеліе и церковь, служить подчиненною точкою зрѣнія или начальнымъ основаніемъ высшихъ созерцаній. Опираясь на него, умъ совершенныхъ можетъ возноситься за предѣлы земнаго круговорота событій и гадать о тайнахъ необъятныхъ и разнообразныхъ міровъ, служащихъ отраженіемъ величія Божія. Явленіе Иисуса Христа, вочеловѣчившагося Бога, не было единственнымъ выраженіемъ необычайнаго промысленія Божія о своихъ созданіяхъ. Иисусъ или Логосъ различнымъ образомъ является, смотря по различію нуждающихся въ Немъ или воспринимающихъ Его. Не людямъ только, но всему міру открылся божественный Логосъ, служа для всѣхъ источникомъ истины и блага. Не къ однимъ людямъ, но и къ ангеламъ и силамъ приходилъ Христосъ проповѣдывать слово жизни и спасеніе покаянія¹⁾. Блаженны тѣ, которые не нуждаются въ Словѣ Божіемъ, какъ врачѣ, исцѣляющемъ больныхъ, пастырѣ искупленныхъ и стремятся къ нему, какъ къ истинѣ, правдѣ и красотѣ. Къ разряду этихъ блаженныхъ Оригенъ причисляетъ тѣхъ духовныхъ христіанъ, которыхъ онъ называетъ совершенными. Мудрость этихъ совершенныхъ созерцаетъ Христа не въ рабской формѣ, а въ Его божественномъ величіи. При такомъ воззрѣніи на вещи св. Писаніе, въ которомъ заключено свыше данное намъ откровеніе, не заключаетъ въ себѣ, въ своей непосредственной буквѣ, всей полноты того, къ знанію чего стремится пылливый умъ христіанскаго мыслителя. Оно только краткое введеніе къ высшему вѣдѣнію: при точномъ пониманіи оно содержитъ и указываетъ только нѣкоторые элементы того цѣлаго, отъ обнятія котораго не можетъ отказаться живая мысль, водимая Духомъ Божіимъ. По образному представленію или аллегорическому толкованію Оригена, св. Писаніе это тоже, что колодезь Іакова (въ

¹⁾ In Lucam hom. XXIII. P. c. c. T. XIII. col. 1852.

бесѣдъ Спасителя съ самарянкою); но Спаситель обѣщаль живую воду, которую нельзя почерпнуть въ колодезь, и пьющей отъ которой не будетъ чувствовать болѣе жажды. Живая вода—это та возвышенная истина, которая не выражена вполне въ Писаніи, и которая уловляется мыслию богоизбранныхъ или совершенныхъ; это то высшее вѣдѣніе, которое, хотя не пренебрегаетъ вѣрою, какъ своимъ источникомъ началомъ, но и не отождествляется съ нею, а оставляетъ ее далеко позади себя. Эта живая вода—предметъ стремлений Оригена: ею онъ желалъ питать себя и другихъ духовныхъ христіанъ. Но она не имѣетъ такой видимой осязаемости, какую имѣетъ вода, почерпаемая въ колодезь: ее не даетъ та твердая почва, какую представляетъ буква Писанія и историческое откровеніе. Въ поискахъ за нею, мысль Оригена идетъ неяснымъ и опаснымъ путемъ гаданій и предположеній, или употребляя собственное сравненіе самаго Оригена, отчаливаетъ отъ твердаго берега, и на утлой ладѣ ввѣряетъ себя ненадежной и бурпой стихіи моря, предоставляя парусамъ или вѣющимъ вѣтрамъ нести ее въ широту безбрежнаго пространства. Безъ страха и опасеній нельзя было пускаться въ пространное море божественныхъ таинствъ съ однимъ слабымъ умомъ. Можно было совершенно погибнуть и потерять надежду видѣть твердый берегъ. Тамъ, гдѣ не было намѣченныхъ путей и надежныхъ руководителей, представлялось слишкомъ много простора для субъективнаго произвола мысли, который могъ привести смѣлаго искателя въ безысходныя бездны. Оригенъ вполне это чувствовалъ, и не разъ выражалъ свое трепетное чувство при своихъ смѣлыхъ поискахъ въ безбрежномъ морѣ божественныхъ таинствъ. Но онъ одушевлялъ себя надеждою, что вѣяніе Святаго Духа дастъ благопріятное направленіе его парусамъ, и изъ открытаго моря введетъ его въ тихую и надежную пристань. Смѣлый мыслитель былъ человекомъ очень благочестивымъ, и внутреннее благочестіе спасало его отъ тѣхъ опасностей, отъ которыхъ погибали другіе изслѣдователи, не имѣвшіе

въ себѣ горячности религіознаго духа Оригена. Это благочестіе такъ связывало его духъ съ истиннымъ христіанствомъ, что онъ не терялъ его, когда вдавался въ изслѣдованіе нерѣшеннаго въ немъ, и оно возвращало его въ границы вѣры всякій разъ, когда онъ своею порывистою мыслию слишкомъ далеко уносился въ область таинственнаго и божественнаго.

Съ общимъ міровозрѣніемъ Оригена и направлеиіемъ его мысли тѣсно связана его герменевтическая метода. Въ дѣлѣ проповѣди Оригена она имѣла всерѣшающее значеніе, такъ какъ вся проповѣдь Оригена, безъ исключенія, состояла въ изъясненіи св. Писанія. Приемы ея довольно сложны: Оригенъ нигдѣ не довольствовался указаніемъ только одного смысла, при разборѣ подпадающихъ его вниманію мѣстъ Писанія. Но приемы, разъ усвоенные, онъ употреблялъ всегда и всюду; своей герменевтической методѣ онъ былъ вѣренъ до конца, и неизмѣнно слѣдовалъ ея предписаніямъ, какъ въ комментаріяхъ, — кабинетныхъ толкованіяхъ Писаній, такъ и въ публичныхъ церковныхъ собесѣдованіяхъ. Узнать эту методу значитъ имѣть ключъ ко всѣмъ проповѣдямъ Оригена, или точнѣе къ уразумѣнію ихъ характера и направленія.

Герменевтическая метода Оригена узаконила искать въ св. Писаніи тройкій смыслъ: буквальный, нравственный и аллегорическій или таинственный. Эта тройственность смысла, указываемаго въ св. Писаніи, не была случайностію въ глазахъ Оригена. Она вытекала изъ его основныхъ воззрѣній на существо вещей. Оригенъ всюду видѣлъ троичность, и троица, по его представленію, почитается не только людьми, но и солнцемъ, луною и звѣздами. Въ божественной Единицѣ есть три лица или три начала, и весь міръ существующій подчиненъ закону тройственности. Въ немъ есть видимое или чувственное, есть душевное или психическое, есть духовное или пневматическое: первое — міръ грубаго,

матеріальнаго бытія; третье—міръ разумно-божественный, а второе—міръ посредствующій между матерією и духомъ, и долженствующій посредствомъ очищенія освободиться отъ примѣси чувственности и преобразоваться въ міръ духовно-божественный. Въ исторіи домостроительства Божія являются три ступени: законъ, пророки и евангеліе. Въ чело-вѣкѣ, маломъ мірѣ, три части: тѣло, душа и духъ. Эту трехчастность Оригенъ видитъ и въ Писаніи: тѣлу соотвѣтствуетъ смыслъ буквальный или историческій, душѣ—смыслъ таинственный, а духу—смыслъ таинственный или аллегорическій. „Какъ къ познанію Бога (говоритъ онъ въ одной бесѣдѣ на книгу Левитъ) ¹⁾ ведутъ вмѣстѣ видимое и невидимое, земля и небо, душа и плоть, тѣло и духъ, и изъ соединенія ихъ состоитъ этотъ міръ; такъ нужно вѣрить, что и св. Писаніе состоитъ изъ видимаго и невидимаго: какъ бы изъ нѣкаго тѣла, то есть, видимой буквы,—и души,—смысла, который заключается подъ буквою,—и духа, по которому она содержитъ въ себѣ нѣчто небесное; поелику Апостолъ видитъ здѣсь образъ и тѣнь небснаго (Евр. VIII, 5)²⁾. Мысль эту въ разныхъ видахъ повторяетъ Оригенъ во многихъ своихъ бесѣдахъ и другихъ сочиненіяхъ³⁾. Толкуетъ онъ напримѣръ о строеніи ковчега (Быт. VI, 16), и въ трехъ жильяхъ, которыя Богъ велѣлъ устроить Ною въ ковчегѣ, онъ видитъ образъ трехъ смысловъ св. Писанія: нижнее жилье—смыслъ историческій, какъ бы фундаментъ нѣкій, полагаемый внизу, второе—нравственный, а третье самое высшее—смыслъ таинственный³⁾).

Изъ трехъ смысловъ, указываемыхъ въ Писаніи герменевтическойю методю Оригена, самое меньшее значеніе придаетъ онъ смыслу буквальному или историческому, от-

¹⁾ In Leviticum hom. V, n. 1. Patr. с. с. Т. XII. col. 447. Ср. eiusdem hom. n. 5. P. с. с. Т. XII. col. 455.

²⁾ De principiis. L. IV, n. 11, 12.

³⁾ In Genesim hom. II. n. 6. P. с. с. Т. XII, col. 173.

крытому и прямо представляющемуся при чтеніи Писанія, который соотвѣтствуетъ чувственному тѣлу или нижнему жилью въ ковчегѣ Ноевомъ. Исторія и буква только оболочка, подъ которою скрывается душа и духъ, невидимое сразу для простаго глаза содержаніе. Задача толкователя Писанія проникнуть за эту оболочку и раскрыть хранимую въ ней истину, вложенную Духомъ Святымъ. Ближе къ видимой поверхности буквы лежитъ въ Писаніи нравственный смыслъ, который безъ особеннаго труда можно открыть въ Писаніи внимательному къ слову Божию: онъ настолько выше буквального смысла, насколько душа выше тѣла или матеріи. Но самый главный и высшій смыслъ, къ которому должна стремиться истинная мудрость, и который она должна черпать въ неистощимыхъ глубинахъ Писанія, — это смыслъ аллегорическій или таинственный, сокровенный болѣе, чѣмъ другіе смыслы, и требующій большаго напряженія мысли для своего уразумѣнія. Въ силу требованій этого послѣднiаго смысла каждая буква, всякое простое сказаніе въ Библии является символомъ, подъ которымъ нужно искать высшаго духовнаго знаменованія. Ища этого смысла, Оригенъ всю іудейскую исторію и всѣ ветхозавѣтныя законенія переносилъ въ иносказательномъ смыслѣ къ предметамъ новозавѣтнаго благодатнаго царства, и все вообще, что встрѣчалъ въ Писаніи, примѣнялъ къ состоянію и переменамъ духовнаго міра, земнаго (церкви) и небеснаго. Примѣненіе библейскихъ указаній къ церкви онъ называлъ аллегорическимъ способомъ изъясненія Писанія, а примѣненіе къ высшему духовному міру аналогическимъ. Руководясь этимъ смысломъ, Оригенъ читалъ въ Писаніи тайны небеснаго домостроительства, сокровенныя отъ вѣковъ въ Богѣ, и невидимыя для простецовъ вѣры, и проразумѣвая духовное знаменованіе видимыхъ вещей, возносился къ уразумѣнію и созерцанію высшаго, благодатнаго и божественнаго небеснаго міра.

Первымъ буквальнымъ смысломъ могутъ довольство-

ваться только люди простой вѣры, младенцы по духовному возрасту. Другой нравственный смыслъ дается людямъ размышленія, уже вышедшимъ изъ дѣтскаго возраста, которыхъ не можетъ питать одно молоко,—пища младенцевъ. Третій таинственный смыслъ—принадлежность людей созерцанія, людей, достигающихъ полнаго возраста Христова и умѣющихъ возводить вѣру до высшаго знанія. Св. Писаніе можетъ служить обильною пищею людямъ всѣхъ степеней и всѣхъ возрастовъ, и никто не можетъ отходить отъ него тощимъ. Каждый изъ него можетъ получить въ избыткѣ то, что можетъ воспринять и переварить душа его. „Троякимъ образомъ (говоритъ Оригенъ) изреченія Св. Писанія должны быть написаны въ сердца, дабы простой назидался какъ бы плотію Писанія, подъ которою мы разумѣемъ его явно лежащій смыслъ, а тотъ, который возвысился нѣсколько, получалъ удовлетвореніе отъ его души, совершенный же извлекалъ пользу отъ духовнаго закона, который имѣетъ тѣнь грядущихъ благъ“¹⁾. „Изъ свещ. Писанія (разсуждаетъ далѣе Оригенъ въ комментарий на Маттея)²⁾ можно извлекать разнообразную пищу: одни, какъ новорожденные младенцы требуютъ словеснаго молока (1 Петр. II, 2), о которыхъ и апостолъ Павелъ говоритъ: *я питалъ васъ молокомъ, а не твердою пищею* (1 Кор. III, 2). Но молокомъ и медомъ святая земля Писанія течетъ для тѣхъ, которые не могутъ принимать большаго. Человѣкъ же, отнятый отъ груди и достигшій такого возраста, наступленіе котораго въ жизни Исаака Авраамъ, отецъ его, прославилъ большимъ пиромъ, во всемъ Писаніи ищетъ пищи отличной отъ той, какою прежде питался, и которая хотя питаетъ, но не есть пища твердая, и отличной отъ той, которая тропически называется огородными овощами, и которая дается тому, кто хотя отнять отъ молока, но не укрѣпился и болѣетъ, по

1) De principiis L. IV. p. 10.

2) Comm. in Matthaeum. t. XII, Patr. c: c. T. XIII. col. 1053—4.

апостолу: *немоцный ѣсть овощи* (Рим. XIV, 2)⁴. При чтеніи Писанія тотъ или другой смыслъ извлекается изъ него, смотря по мѣрѣ способностей пониманія и по степени духовнаго развитія читающихъ его. И толкователь божественныхъ книгъ, если хочетъ, чтобы онѣ доставляли надлежащую и полезную пищу людямъ разныхъ духовныхъ возрастовъ и состояній, въ своихъ изъясненіяхъ долженъ сообразоваться съ воспріемлемостію и развитіемъ тѣхъ лицъ, для которыхъ онъ предпринимаетъ изъясненія. „*Всякое слово Божіе* (говоритъ Оригенъ, объясняя написанное о хлѣбахъ предложенія (Лев. XXIV, 5—9), *есть хлѣбъ, но есть различіе въ хлѣбахъ. Ибо иное слово можетъ предлагаться для общаго вниманія, и поучать простой народъ о дѣлахъ милосердія и благотворенія, и это хлѣбъ обыкновенный. Но есть другое слово, которое содержитъ тайны и рассуждаетъ о вѣрѣ въ Бога и знаніи вещей. Это хлѣбъ чистый, испеченный изъ лучшей пшеничной муки. Его всегда нужно полагать предъ лицомъ Господа и ставить на чистый столъ. Онъ принадлежитъ однимъ священникамъ и данъ въ вѣчный даръ сынамъ Аарона. Чтобы ты не думалъ, что я рассказываю это отъ собственнаго вымысла, а не почерпнулъ изъ божественныхъ книгъ,—я представляю тебѣ изъ Писанія, какъ у различныхъ людей различіе пищи служитъ указаніемъ заслуги каждаго. Рассказывается въ Бытій, что Авраамъ патріархъ угостилъ ангеловъ, а также и Лотъ. Но описывается, что Авраамъ, который преимуществовалъ заслугами, предложилъ хлѣбы отъ лучшей пшеничной муки, которые и назвалъ *ἐυχρηφίαις*, то есть, сокровенными и спрятанными. А Лотъ предложилъ гостямъ хлѣбы изъ простой муки, не потому, что былъ бѣденъ и не имѣлъ лучшей пшеничной муки. (по богатству онъ былъ не ниже своего дяди); но этимъ означается различіе заслугъ того и другаго: Кому открыты были Господомъ тайны, и къ кому сказано было: „*не утаю отъ отрока моего, что хочу съѣсть* (Быт. XVIII, 17)⁴, кто наученъ былъ въ сокровенныхъ и тайныхъ*

Труды Кіев. Акад. 1879 г. т. III.

Божіихъ, тотъ, пишется, имѣлъ хлѣбъ изъ лучшей пшеничной муки; а тотъ, которому не сообщалось никакой тайны, и у котораго былъ обыкновенный житейскій разумъ, тотъ, пишется, имѣлъ хлѣбы, испеченные изъ простой муки. И ты, если имѣешь знаніе о тайнахъ, если можешь искусно и осмотрительно разсуждать о вѣрѣ въ Бога, о тайнѣ Христовой, о единствѣ Святаго Духа, приносишь Господу хлѣбы изъ лучшей пшеничной муки. А если сообщаешь простыя увѣщанія народу, и умѣешь раскрывать только нравственный смыслъ, относящійся ко всѣмъ, то знай, что ты предлагаешь обыкновенный хлѣбъ ¹⁾“.

Св. Писаніе въ глазахъ Оригена было неизсякаемымъ источникомъ высшей божественной мудрости, и не въ цѣломъ только, а въ каждой отдѣльной части. Онъ думалъ, что въ Св. Писаніи нѣтъ не только ни одного мѣста, но даже ни одной буквы, ни одного титла, гдѣ бы не скрывалось особаго таинственнаго смысла. Духъ Божій, вдохновлявшій священныя писателей и начертившій ихъ рукою божественныя письма, вездѣ заключилъ въ нихъ столько мудрости и тайнъ, сколько не можетъ вмѣстить даже ограниченный разумъ. Подъ буквою библейскаго слова скрывается много такого, чего не проразумѣвали и не создавали ясно сами священныя писатели, и если Духу Божію угодно будетъ открыть толкователю Писанія въ извѣстномъ его мѣстѣ такую истину, какой не видѣли въ немъ написавшіе его, за это только мы можемъ благодарить Господа, дополняющаго потомкамъ откровеніе, данное предкамъ. Потому священнѣйшая обязанность всякаго толкователя Писанія болѣе и болѣе углубляться въ него, искать въ немъ высшей таинственной мудрости и рыться въ немъ изслѣдующею мыслию, какъ въ неистощимо богатомъ рудникѣ, чтобы выводить изъ глубокихъ вѣдръ его сокровыя

¹⁾ In Leviticum hom. XIII, n. 3. Patr. e. e. T. XII. col. 547—8.

въ немъ и незримыя міру сокровища золота или божественной, небесной истины. Самъ Оригенъ съ любовію и неутомимымъ усердіемъ предается исполненію этой обязанности толкователя: вездѣ въ Писаніи онъ ищетъ сокровеннаго смысла, отовсюду старается извлечь нѣчто особенное, чего не видитъ простой глазъ, и думаетъ, что этимъ онъ совершаетъ дѣло полезное для церкви, и достойное Духа Божія, вдохновлявшаго пророковъ, апостоловъ и всѣхъ вообще библейскихъ писателей. Въ своихъ исканіяхъ таинственнаго смысла Оригенъ заботится не столько о томъ, чтобы вѣрно уразумѣть и представить мысль того или другаго священнаго писателя, сколько о томъ, чтобы по возможности приблизиться къ той глубинѣ необъятной божественной мудрости, какую чрезъ слово извѣстнаго писателя, даже помимо его сознанія, указываетъ нашему разуму Духъ истины, руководившій его перомъ. Безъ такихъ исканій со стороны толкователей св. Писаніе останется книгою не раскрытою, не понятою и не разъясненною. „Всякое слово божественнаго Писанія (говоритъ Оригенъ, приступая къ изъясненію книги Исходъ) ¹⁾ кажется мнѣ подобнымъ какому-либо сѣмени, котораго свойство состоитъ въ томъ, что когда оно будетъ брошено въ землю, оно возрождается въ колосъ или многообразно распускается въ какой либо другой видъ своего рода, и тѣмъ роскошнѣе, чѣмъ больше труда приложить къ сѣянію искусный земледѣлецъ, или чѣмъ плодороднѣе почва. Такъ бываетъ, что благодаря воздѣлыванію малое сѣмя, напримѣръ горчичное, меньшее всѣхъ другихъ, превращается въ большее всѣхъ огородныхъ зелій, и дѣлается деревомъ, такъ что *птицы небесныя приходятъ и обитаютъ въ вѣтвяхъ ея* (Матѣ. XIII, 32). Такъ и настоящее слово, нынѣ прочитанное намъ изъ божественныхъ книгъ, если найдетъ искуснаго и прилежнаго воздѣлывателя, на первый взглядъ

¹⁾ In Exodum hom. I. n. I. Patr. c. compl. T. XII. col. 297.

кажется малымъ и краткимъ, а когда начнетъ выясняться и духовно обсуждаться, возрастаетъ въ дерево, распускается въ вѣтви и лозы, такъ что могутъ приходить мудрецы, риторы, ораторы этого міра, которые, какъ брылатыя птицы небесныя, увлекаемые пышностію словъ, бросаются на возвышенное и поднимающееся къ верху, и насытившись мыслями, они желали бы обитать въ тѣхъ вѣтвяхъ, въ которыхъ заключается не красота рѣчи, но разумъ жизни“... „Если намъ сказано въ заповѣди (говорить нашъ проповѣдникъ въ другомъ мѣстѣ ¹⁾), развивая мысль о богатствѣ содержанія въ каждой буквѣ Писанія), чтобы мы не говорили празднаго и бесполезнаго слова, какъ имѣющіе отдать отчетъ въ немъ въ день суда, и по возможности старались о томъ, чтобы всякое слово, исходящее изъ нашихъ устъ, что нибудь производило и въ насъ говорящихъ и въ слушающихъ: то что мы должны думать о пророкахъ?... Я думаю, что всякая буква, записанная между божественными изреченіями, имѣетъ значеніе, и нѣтъ въ Писаніи ни одной іоты, ни одной кавычки, которыя бы не производили своего дѣйствія въ умѣющихъ пользоваться силою буквы. Какъ изъ травъ каждая имѣетъ свою силу или для здоровья тѣла или для чего либо другаго, и хотя не всѣ знаютъ къ чему какая трава пригодна, а которые этимъ занимаются и обращаются съ травами, тѣ знаютъ, когда сорванная, къ какой части тѣла приложенная, и какъ приготовленная употребляющему ее приносить пользу: такой же, можно сказать, ботаникъ святой и духовный мужъ, разбирающій въ священномъ Писаніи всякую іоту, всякую встрѣчающуюся частицу, и знающій силу буквы, къ какому употребленію она можетъ быть пригодна, и понимающій, что въ Писаніи нѣтъ ничего излишняго. Если хочешь слышать о другомъ примѣрѣ этого рода, то вотъ отдѣльные члены нашего тѣла созданы Твор-

¹⁾ In Ieremiam hom. XXXIX. P. c. c. T. XIII. col. 542—3.

цомъ Богомъ каждый для своего какого либо дѣла; но не всѣ знаютъ въ подробностяхъ, какая сила и какое отправленіе каждаго изъ нихъ. Медики же, занимающіеся анатоміею тѣлъ, могутъ рассказать объ этомъ подробно и опредѣлить, для какого отправленія создана провидѣніемъ самая малѣйшая часть тѣла. Такимъ же образомъ разсуждай и о Писаніи, какъ бы оно представляло изъ себя совокупность всѣхъ травъ или одно совершенное тѣло рѣчи; если ты не знатокъ въ Писаніи и не анатомъ пророческихъ рѣчей, не думай, что въ Писаніи есть что либо лишнее, но когда не находишь смысла въ томъ, что написано, обвиняй скорѣе себя одного, а не священныя писмена. Это сказано мною вмѣсто общаго предисловія, которое можно приложить ко всему свящ. Писанію, чтобы напомнить желающимъ предаться чтенію его, что ни одной буквы не нужно оставлять безъ разбора и тщательнаго изслѣдованія¹. Мы привели выдержки изъ общенародныхъ толкованій Писанія, заключающихся въ церковныхъ бесѣдахъ Оригена. Онъ всѣхъ христіанъ, а не однихъ избранныхъ приглашаетъ вдумываться въ букву Писанія, проникать за его видимую оболочку, чтобы за нею доискиваться истины, а не скользить мелкою мыслию по одной поверхности, и только такое, вдумывающееся и проникающее за букву, слушаніе Писанія онъ считаетъ достойнымъ христіанъ. Онъ различаетъ тайное и явное слушаніе закона Божія. Тайно или сокровенно слушаютъ законъ или Писаніе, когда понимаютъ премудрость Божію, въ тайнѣ сокровенную (1 Кор. II, 7), а явно слушаетъ его іудей, ничего не видящій дальше буквы. „Этотъ жалкій іудей потому и убилъ Господа Иисуса, и до настоящаго времени виновенъ въ его смерти, что не слушалъ въ тайнѣ закона и пророковъ“¹).

Легко понять знакомому съ герменевтической методою Оригена характеръ и направленіе его проповѣдей. Постав-

¹) In Jeremiam hom. XII, n. 13. P. c. c. T. XIII, col. 395—6.

ляя преимущественно предъ вниманіемъ слушателей одно изреченіе Писанія за другимъ, проповѣдникъ указываетъ въ каждомъ изъ нихъ, почти всегда, всѣ три свои смысла. Придавая самое меньшее значеніе буквальному смыслу, Оригенъ однако не пренебрегаетъ имъ совершенно, но считаетъ его необходимою ступенью къ восхожденію въ высшія области разумѣнія. Буквальный или историческій смыслъ, по его словамъ ¹⁾, есть какъ бы фундаментъ нѣкоторый, положенный внизу, безъ котораго не можетъ строиться зданіе. Толкуя то или другое мѣсто Писанія, Оригенъ начинаетъ обыкновенно съ буквального смысла, если только мѣсто въ буквальномъ смыслѣ не кажется ему несообразнымъ, и исчерпавши буквальный смыслъ, переходитъ къ разбору того же мѣста съ нравственной и аллегорической точки зрѣнія. Только смыслъ буквальный, какъ прямо открытый и болѣе или менѣе для всѣхъ понятный, не занимаетъ его долго, и онъ, указавши этотъ смыслъ, сдѣлавши иногда сближеніе объясняемаго мѣста съ другими подобными мѣстами Писанія, спѣшитъ вести своего слушателя во внутреннее святилище Писанія, лежащее за воротами буквы, и здѣсь онъ чувствуетъ себя вполне въ своей стихіи. Изысканіе нравственнаго и аллегорическаго смысла, то есть, указаніе полезныхъ для жизни и спасенія наставленій, скрывающихся подъ буквою Писанія, и указаніе духовнаго символическаго знаменованія вещей, описываемыхъ или рассказываемыхъ въ Библии,—его любимая и главная задача. Здѣсь онъ преклоняется предъ глубиною мудрости, заключенной въ Писаніи, и внушаетъ своимъ слушателямъ благоговѣніе къ слову Духа Божія, полному неизчерпаемаго разума. Смыслъ буквальный въ Писаніи—это преддверіе или крыльцо къ зданію. Онъ самъ въ себѣ мало занимаетъ нашего проповѣдника. Черезъ него быстро проходитъ Оригенъ, чтобы тѣмъ долѣе

¹⁾ In Genesim hom. II. n. 6. P. c. c. T. XII. c. 173.

остановиться въ самомъ зданіи и разсмотрѣть его съ разныхъ сторонъ, узнать внутренній его распорядокъ и познаться съ богатымъ содержаніемъ, въ немъ сокрытымъ. Мало уважительный тонъ, съ какимъ Оригенъ говоритъ о буквальной или историческомъ смыслѣ Писанія, его всюду замѣтное желаніе поскорѣе миновать его, чтобы перейти къ изысканію высшей таинственной мудрости, не располагали и слушателей къ благоговѣнію предъ этимъ смысломъ; вслѣдъ за своимъ учителемъ—проповѣдникомъ, и они возбуждались къ тому, чтобы отъ буквы Писанія, какъ отъ твердой почвы, возноситься въ болѣе высокія и воздушныя страны, гдѣ вмѣсто принудительной буквы распоряжается свободный разумъ, влагающій въ букву свой нравственный и аллегорическій смыслъ. Оригенъ не разъ приглашаетъ своихъ слушателей, какъ людей духовныхъ, а не плотскихъ, внимательно испытывать то, что написано въ божественныхъ книгахъ, и вникать въ то, что говорится. Ибо (замѣчьте оны) ¹⁾ если вы, какъ плотскіе, будете принимать то, что написано на примѣръ въ книгѣ Левитъ о чистыхъ и нечистыхъ животныхъ, по отношенію къ употребленію ихъ въ пищу человѣку, и вообще въ книгахъ ветхозавѣтныхъ, то это повредитъ вамъ, а не напичкаетъ васъ.

Основаніемъ для такого предпочтенія смысла иносказательнаго смыслу буквальному и прямому у Оригена ²⁾ обыкновенно выставляется то, что законъ, по слову апостола, *духовенъ* (Рим. VII, 14), и что *буква убиваетъ* (2 Кор. III, 6), если ея одной держаться. Эти выраженія апостола постоянно у него оживаютъ въ памяти, когда оны приступаютъ къ изъясненію какого либо труднаго мѣста въ Писаніи, и они служатъ для него руководящимъ правиломъ, которому оны даютъ слишкомъ широкое примѣненіе. Чуть

¹⁾ In Levit. hom. VII, n. 5. P. c. c. T. XII. col. 487—8.

²⁾ In Genes. hom. VI, n. 1. P. c. c. T. XII. col. 195. In Exodum hom. VII, n. 1. P. c. c. T. XII. col. 341—2.

что нибудь слишком простое и обыкновенное встрѣчается въ библейскомъ разсказѣ, Оригенъ замѣчаетъ, что это не исторія разсказывается, а здѣсь тайны заключаются. Самую духовность закона и вообще всего свящ. Писанія Оригенъ выводилъ изъ того, что самъ Законодатель и Вдохновитель священныхъ писателей есть высочайшій премудрый Духъ. Слово этого высочайшаго Духа не можетъ быть не духовнымъ, не можетъ не заключать въ себѣ особенной духовной значимости. „Въ божественномъ законѣ (изъясняетъ Оригенъ въ одной бесѣдѣ)¹⁾ то, что читается намъ, сказалъ Господь, и я думаю, что слово Божіе должно понимать, сообразуясь не съ способностію слушающихъ, но съ величіемъ говорящаго. *Господь сказалъ*. Чтоже такое Господь? Пусть тебѣ отвѣтитъ апостолъ, и отъ него узнай ты, что *Господь есть духъ* (2 Кор. III, 17). Если тебѣ недостаточно слова апостола, послушай самаго Господа въ Евангеліи, что *Богъ есть духъ* (Іоан. IV, 24). Итакъ если и Господь и Богъ есть духъ, мы должны духовно слушать то, что говоритъ Духъ. Я скажу и нѣчто большее: нужно вѣрить, что то, что говоритъ Господь, не духовно только, но и духъ есть. Не изъ своего ума, но изъ Евангелія я докажу это. Послушай, что Господь и Спаситель нашъ говоритъ ученикамъ своимъ: *слова, которыя говорю Я вамъ, суть духъ и жизнь* (Іоан. VI, 63). Если мы узнали отъ самаго Спасителя, что слова, которыя Онъ говорилъ апостоламъ, суть духъ и жизнь, то нисколько не должны сомнѣваться, что также духъ и жизнь и то, что Онъ говорилъ чрезъ Моисея (и другихъ)²⁾... „Только нетвердые и неспособные къ глубочайшей тайнѣ пусть назидаются изъ буквы¹⁾“.

Пристрастіе къ духовному и таинственному знаменованію въ словахъ свящ. Писанія заставляло Оригена верѣд-

¹⁾ In Leviticum hom. IV, n. 1. P. c. c. T. XII. col. 435.

²⁾ Ibidem. hom. IV, n. 2.

ко прямо отрицать буквальный смыслъ въ такихъ мѣстахъ божественныхъ книгъ, которыя въ своемъ непосредственномъ видѣ, безъ приложенія къ нимъ аллегорическаго толкованія, могутъ возбуждать какія либо недоумѣнія и казались ему несообразными съ высшею истиною, и не достойными божественной мудрости Духа, вдохновлявшаго священныхъ писателей. При изъясненіи такихъ мѣстъ онъ или вовсе опускаетъ буквальный смыслъ или прямо оговаривается, что повимать въ буквальномъ смыслѣ такое-то мѣсто было бы большою ошибкою. Оригенъ полагалъ, что въ св. Писаніи Богъ нарочито допустилъ много мѣстъ и изреченій несообразныхъ, кажущихся странными и соблазнительными для ума (*σχίσματα*), которыя въ буквальномъ смыслѣ можетъ принимать только неразумный, не понимающій истины. Эти несообразныя мѣста допущены въ Писаніи съ тою цѣлю, чтобы своею несообразностію тѣмъ вѣрнѣе и сильнѣе побуждать спящій умъ человѣка къ исканію въ Писаніи высшаго, нравственнаго и таинственнаго смысла, скрывающагося за буквою и невидимаго сразу. Безъ возбужденій такого рода мысль чувственнаго человѣка можетъ загрязнута въ одной буквѣ убивающей, не подозрѣвая всего величія спасительной тайны, подъ нею сокрытой. Кто не послѣдуетъ указанію и возбужденію Духа Божія, зовущаго насъ за предѣлы буквы самую видимую ея несообразностію, тотъ въ глазахъ Оригена будетъ какъ бы противникомъ Духа, и вмѣсто животворящей силы и истины смерть извлечетъ себѣ изъ источника божественной жизни для духа.

Такихъ мѣстъ, въ которыхъ нельзя, безъ нарушенія истины и безъ оскорбленія Духа Божія, искать буквального смысла, и которыя Оригену представляются по буквѣ соблазнительными (*σχίσματα*), онъ видитъ въ Писаніи весьма много. Въ виду ихъ значительнаго количества, Оригенъ считаетъ нужнымъ ограничить требованія своей герменевтической методы, заставлявшей толкователя въ каждомъ мѣстѣ Писанія видѣть три различные смысла. И это ограниченіе

дѣлается на счетъ буквального смысла, а не какого либо другаго. „Смыслъ историческій (читаемъ мы во 2-й бесѣдѣ на книгу Бытія¹⁾, гдѣ Оригенъ объясняетъ значеніе трехкровныхъ и двукровныхъ обиталищъ, какія Ною приказано было построить въ ковчегѣ) не всегда можетъ быть состоятельнымъ въ божественномъ Писаніи, но иногда и нѣтъ его въ немъ, какъ напримѣръ, когда говорится: *тернія прозябаютъ въ руцѣ пѣяницы* (Притч. XXVI, 9), или когда говорится о храмѣ Соломоновомъ: *мать же, и теслица, и всякое орудіе желѣзно не слышася въ храмъ, егда созидатися ему* (3 Цар. VI, 7), и опять въ книгѣ Левитъ, когда приказывается священнику осматривать и очищать язву проказы на стѣнѣ, кожѣ и основѣ (Лев. XIII); по такимъ и симъ подобнымъ мѣстамъ въ ковчегѣ есть не только трехкровныя, но и двукровныя обиталища, чтобы мы знали, что въ божественномъ Писаніи заключается не всегда тройкій смыслъ, но иногда только двойкій, такъ какъ исторія не всегда состоятельна“.

Букву убивающую, т. е., несостоятельную въ прямомъ смыслѣ, Оригенъ видитъ въ тѣхъ мѣстахъ Писанія, гдѣ представляются рассказы о святыхъ библейскихъ лицахъ, недостойные ихъ святости и подрывающіе уваженіе къ нимъ, или гдѣ передаются отъ имени Божія какіе либо законы, не содержащіе въ себѣ ничего особеннаго, что возвышало бы ихъ надъ произведеніями человѣческихъ законодателей, и гдѣ вообще встрѣчается что либо недоумѣнное, противорѣчащее требованіямъ естественной мысли, или даже что либо слишкомъ простое и обыкновенное.

Такъ Оригенъ не признаетъ состоятельнымъ въ буквальномъ смыслѣ библейскій рассказъ о женѣ Лота, превратившейся въ сланный столпъ въ ту минуту, какъ она оглянулась на оставленный ею Содомъ, преданный пламени (Быт. XIX, 26); потому что не видитъ требуемаго правдою

¹⁾ In Genesim hom. II, n. 6. P. c. c. T. XII. col. 173.

соотвѣтствіи между поступкомъ желѣ и наказаніемъ, ее постигшимъ, но прямо указываетъ здѣсь духовный, фигуральный смысл ¹⁾. А сказаніе о Лотѣ и его дочеряхъ (Быт. XIX, 31—38) у него называется пресловутою баснею ²⁾, и этимъ названіемъ отнимается у исторіи ея дѣйствительный характеръ. Равнымъ образомъ, по мысли Оригена, только іудею свойственно по буквѣ принимать то, что разсказывается въ двадцатой главѣ книги Бытія объ Авраамѣ и Авимелехѣ,—какъ Авраамъ обманулъ Авимелеха, сказавши ему, что Сарра не жена его, а сестра, и тѣмъ давши поводъ Авимелеху взять Сарру себѣ въ жену, отъ чего только самъ Господь предостерегъ его откровеніемъ во снѣ. „А кто хочетъ быть (замѣчаетъ Оригенъ) христіаниномъ и ученикомъ Павла, тотъ долженъ помнить слова его, что *законъ духовенъ* (Рим. VII, 14), и когда говорится объ Авраамѣ и женѣ его и дѣтяхъ, тотъ понимаетъ, что это аллегорія ³⁾“... „Церковь Божія не должна обезображивать слова Святаго Духа нелѣпыми іудейскими баснями, но должна выставлять въ нихъ то, что полно честности, что полно добродѣтели и назидательности. Иначе какое намъ будетъ назиданіе, когда мы будемъ читать, что такой патріархъ, какъ Авраамъ, не только обманулъ царя Авимелеха, но измѣною предать цѣломудріе своей супруги? Чѣмъ насъ будетъ назидать жена такого патріарха, если она въ нашихъ глазахъ будетъ предана оскверненію чрезъ потворство мужа? Такъ могутъ думать только іудеи и тѣ, которые вмѣстѣ съ ними друзья буквы, а не духа ⁴⁾“... Не исторію, а тайну видитъ Оригенъ и въ разсказѣ о Ревеккѣ,—о томъ, какъ она вмѣстѣ съ другими дочерями жителей города выходитъ къ колодезю чер-

¹⁾ In Gensim hom V, n. 2. P. c. c. T. XII, col. 190.

²⁾ Ibidem - - - - n. 3. - - - -

³⁾ In Gensim hom. VI, n. 1, P. c. c. T. XII. col. 195.

⁴⁾ In Gen. hom. VI. n. 3. P. c. c. T. XII. col. 198.

пять воду, и какъ здѣсь встрѣтился съ нею отрокъ Авраама, пришедшій сватать невѣсту за сына Авраамова (Быт. XXIV, 13—22); потому что иначе не стоило бы говорить о такомъ обыкновенномъ явленіи, что дѣвицы городскія ходятъ за водой; да и не было бы такихъ напрасныхъ прибавленій: дѣвица была прекрасна видомъ, *дѣва, которой не позналъ мужъ* (Б. XXIV, 16); какъ будто можетъ быть дѣвицею та, которую позналъ мужъ; какъ будто это не понятно само собою и безъ прибавленія ¹⁾). Къ такому же заключенію о несостоятельности буквального смысла приходитъ Оригенъ, когда читаетъ исторію женитьбы сто-тридцати-семилѣтняго Авраама на Хеттурѣ и рожденія отъ нея многихъ дѣтей (Быт. XXV). И прежде (замѣчаетъ Оригенъ въ бесѣдѣ, посвященной изъясненію этой исторіи), когда у Авраама родился Исаакъ, онъ родилъ его больше силою вѣры, чѣмъ плоти; такъ какъ *тѣло его, почти столѣтняго*, по замѣчанію апостола Павла, *уже омертвѣло* (Рим. IV, 19). „Итакъ что же? Будемъ ли мы представлять, что въ такомъ патріархѣ въ такомъ возрастѣ дѣйствовали вождельнія плоти? И ужели тотъ, о которомъ говорится, что онъ прежде за долго до этого времени, умеръ для естественныхъ возбужденій, теперь снова ожилъ для похоти? Не указываютъ ли супружества патріарховъ, какъ мы часто уже говорили, на какую либо высшую тайну?“ ²⁾ Когда при изъясненіи книги Исходъ слово Оригена касается разсказа о повивальныхъ бабкахъ, которымъ приказано было царемъ египетскимъ умерщвлять новорожденныхъ еврейскихъ младенцевъ мужескаго пола (Исх. 1, 15—21), онъ прямо говоритъ, что по буквальному смыслу исторіи эта несостоятельна: такъ какъ бабки не выполняли повелѣнія царя египетскаго. »Въ прямомъ смыслѣ, по словамъ Оригена, эту исторію могутъ принимать только друзья буквы, которые не думаютъ о томъ, что законъ ду-

¹⁾ In Gen. hom. X, n. 2 et 4. P. c. c. T. XII. col. 216. 218.

²⁾ In Gen. hom. XI, n. 1. P. c. c. T. XII. col. 221.

ховенъ и требуетъ духовнаго разумѣнія. А мы, которые знаемъ, что все, написанное (въ книгѣ), написано не для разсказа о древностяхъ, а для нашего наученія и для нашей пользы, понимаемъ, что прочитавное можетъ исполниться не только въ этомъ мѣрѣ, который фигурально называется Египтомъ, но и въ каждомъ изъ насъ¹⁾“. Подобныя указанія несостоятельности или незначительности буквы и значенія этой несостоятельности, какъ возбужденія нашей мысли къ высшему духовному разумѣнію, встрѣчаются при толкованіи и многихъ другихъ дальнѣйшихъ исторій библейскихъ. Такъ прочитано было изъ книги Числъ о томъ, что Господь велѣлъ Моисею собрать народъ къ колодезю и дать имъ воды (Числь XXI, 16—18),—и Оригенъ, приступая къ объясненію этого мѣста, замѣчаетъ, что историческая буква здѣсь немного имѣетъ значенія. „Ибо что такое, что Господь нарочито приказываетъ Моисею собрать народъ, чтобы дать имъ пить изъ колодезя? Какъ будто народъ добровольно не сойдется къ колодезю для питья?... Незначительность буквы отсылаетъ насъ къ драгоцѣнности духовнаго разумѣнія²⁾“. Или по поводу исторіи о разореніи Гая изъ книги Іисуса Навина (Ис. Нав. VIII), Оригенъ высказываетъ такіа размышленія: „Слыша эту исторію о взятіи и разореніи Гая), могутъ сказать слушатели: къ чему мнѣ это? что мнѣ пользы, если я узнаю, что побѣждены были жители Гая? Какъ будто не велись и не ведутся подобныя или еще болѣе сильныя войны. Это ли было въ виду святаго Духа, чтобы оставивши паденіе столькихъ и такихъ городовъ повелѣть вписать въ святія книги паденіе города Гая?³⁾“. Подобная исторія могла попасть въ библию, по соображеніямъ Оригена, только изъ за глубокой тайны, въ ней заключающейся, и приступая къ изъясненію этой тайны проповѣдникъ боится, „не будетъ

¹⁾ In Exodum hom. II, n. I. P. c. c. T. XII. col. 305.

²⁾ In Numeros hom. XII, n. 1. P. c. c. T. XII, col. 656.

³⁾ In Librum Iesu Nave hom. VIII, n. 2. P. c. c. T. XII. col. 864.

ли безразсудствомъ съ его стороны изъяснять такія возвышенныя и трудныя мѣста св. Писанія“...

Законъ Моисеевъ, въ большинствѣ своихъ частныхъ предписаній, напримѣръ о жертвахъ о проказѣи т. под., неприменимъ къ намъ и неисполнимъ по буквѣ. Отсюда Оригенъ, пользуясь выраженіемъ апостола, называетъ его *бесильнымъ во плоти*, то есть, въ буквѣ: онъ можетъ имѣть значеніе только тогда, когда мы принесемъ къ нему духовный разумъ¹⁾. Онъ, по библейскому сравненію нашего проповѣдника,—по буквѣ горькая вода Мерры, неудобная для питья. Но если Богъ укажетъ дерево, которое можно бросить въ эту горечь для ея услажденія, тогда можно пить изъ нея. Это дерево—мудрость, которую Соломонъ называетъ древомъ жизни (Притч. III, 18) для тѣхъ, которые пріобрѣтаютъ ее. При посредствѣ этого древа мудрости, указываемаго Христомъ, горечь буквы закона обращается въ сладость духовнаго разумѣнія, и тогда можетъ пить изъ нея народъ Божій. А кто безъ этого древа жизни, то есть, безъ тайны креста, безъ вѣры Христовой, безъ духовнаго разумѣнія захотѣлъ бы пить изъ закона, тотъ умретъ чрезъ излишнюю горечь. Это имѣя въ виду, апостолъ Павелъ говорилъ, что *буква убиваетъ* (2 Кор. III, 6)²⁾. Въ виду этихъ соображеній, у Оригена при объясненія текста, передающаго подробности законоположеній Моисеевыхъ, постоянно встрѣчаются предостереженія противъ буквального пониманія тѣхъ, или другихъ распоряженій законодателя. Напримѣръ въ пятой бесѣдѣ на книгу Левитъ, гдѣ изъясняются распоряженія касательно жертвы за грѣхъ (Лев. VI, 24—30), Оригенъ замѣчаетъ: „все это когда читается въ церкви, доставить скорѣе затрудненіе и ниспроверженіе христіанской религіи, чѣмъ увѣщаніе и назиданіе, если только мы будемъ пони-

¹⁾ In Exodum hom. XI, n. 6. P. c. c. T. XII. col. 381.

²⁾ In Exod. hom. VII, n. 1. P. c. c. T. XII, col. 341—2.

мать это въ томъ смыслѣ, какой, показываетъ текстъ буквы“¹⁾). Одинъ разъ Оригенъ выражается даже очень рѣзко о достоинствѣ законовъ Моисеевыхъ, если ихъ принимать въ буквальномъ смыслѣ. „Если мы будемъ придерживаться буквы и будемъ принимать написанное въ законѣ такъ, какъ кажется это іудеямъ или народу, то я стыжусь сказать и признаться, что такіе законы далъ Богъ (рѣчь идетъ о законахъ, которыми повелѣвалось израильтявамъ однихъ животныхъ ѣсть, какъ чистыхъ, а другихъ не ѣсть, какъ нечистыхъ (Лев. XI)). Ибо тогда покажутся болѣе прекрасными законы, напримѣръ римскіе или аѳинскіе или лакедемонскіе. А если законъ Божій принимать по тому разумѣнію, какому учить церковь, тогда подлинно онъ превосходитъ всѣ законы человѣческіе и истинно кажется закономъ Божиимъ“²⁾).

И при объясненіи другихъ книгъ Писанія Оригенъ нерѣдко становится, такъ сказать, въ тупикъ предъ буквальнымъ смысломъ того или другаго мѣста. Напримѣръ въ третьей бесѣдѣ на XXXVI псаломъ онъ не признаетъ буквального смысла въ стихѣ 17: *мышцы нечестивыхъ сокрушатся*. „Какимъ образомъ (спрашиваетъ онъ) это можетъ быть состоятельно по буквѣ, хотя иной по неопытности и постарается дать силу (этой буквѣ)? Многое въ Писаніи такъ представлено, что можетъ подѣйствовать на человѣка крайне грубаго и закоснѣлаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ давать побужденіе къ тому, чтобы оставивши букву восходить къ духовному разумѣнію: такъ и теперь дѣлаютъ мышцы грѣшника, которымъ угрожаетъ сокрушеніе... Итакъ чтоже? Ужели мы будемъ думать, что будутъ сокрушены тѣлесныя мышцы грѣшника? Но мы видимъ, что не такъ легко этому случиться“³⁾. Или: выраженіе въ книгѣ пророка Исаи (VII, 15): *онъ будетъ питаться молокомъ и медомъ* заставляеть Ори-

¹⁾ In Levit. hom. V, n. 1. P. c. c. T. XII, col. 447.

²⁾ In Leviticum hom. VII, n. 5. P. c. c. T. XII. col. 488—9.

³⁾ Hom. III in psalm. XXXVI n. ч. P. c. c. T. XII col. 1342—3.

гена вспомнить повелѣніе: *изсмѣдуйте Писанія* (Іоан. V, 39) и вызываетъ въ немъ слѣдующія размышленія: „часто въ Писаніи именемъ пищи тѣлесной называется пища духовная. Какъ новорожденные младенцы, возлюбите чистое словесное молоко (1 Петр. II, 2). Итакъ есть безъ сомнѣнія словесное молоко, и такого молока намъ нужно искать. Опять въ Притчахъ о медѣ написано: *нашелъ ты медъ? ѣшь, сколько тебѣ необходимо, чтобы не пресытиться имъ и не изблевать его* (Притч. XXV, 16). Ужели Духъ Святой заботился объ обыкновенномъ медѣ, чтобы мы не слишкомъ много его ѣли? Духъ Святой очевидно говоритъ о медѣ духовномъ... Пчелы— пророки: они дѣлаютъ воскъ и изготовляютъ медъ, а соты— ихъ Писанія, которыя они оставили. И ты иди къ Писанію и ищи меда. *Ѣшь медъ*. И опять въ Притчахъ говорится: *ѣшь, сынъ мой, медъ, потому что онъ пріятенъ, и сотъ, который сладокъ для гортани твоей* (Пр. XXIV, 13). Думаешь ли, что здѣсь говоритъ Духъ Святой: *ѣшь медъ, обыкновенно употребляемый, ибо онъ сладокъ?* Я не смѣю говорить, чтобы Духъ святой повелѣвалъ мнѣ о медѣ тѣлесномъ: *ѣшь медъ*. Вотъ я не имѣю его, или я такой природы, что не могу ѣсть меда: какимъ же образомъ Онъ говоритъ мнѣ: *ѣшь медъ и не ѣшь мяса, но ѣшь, сынъ мой, медъ; потому что онъ сладокъ*. Если въ пчелахъ будешь видѣть пророковъ, а въ медѣ или сотахъ ихъ творенія, то увидишь, какъ согласно съ достоинствомъ Святаго Духа понимать выраженіе: *ѣшь, сынъ мой, медъ, ибо онъ пріятенъ*. Если кто размышляетъ о божественныхъ изреченіяхъ и пытается словами Писанія, тотъ исполняетъ божественное повелѣніе, приказывающее ѣсть медъ, и при исполненіи этого повелѣнія находитъ приложение слѣдующее выраженіе: *ибо онъ пріятенъ, потому что пріятенъ тотъ медъ, который находится въ Писаніи* ¹⁾“. Въ XII бесѣдѣ на книгу пророка Іереміи, приступая къ изъясненію рѣчи пророка, начинающейся словами: *всякій вин-*

¹⁾ In *Isaiam* hom. II, p. 2. P. c. c. T. XIII. col. 226—7.

ный мѣхъ наполняется виномъ (Іер. XIII, 12), Оригенъ такъ начинаетъ свою рѣчь: „что Богъ приказываетъ пророку сказать, то должно быть достойно величія Божія. Но настоящее слово не кажется достойнымъ Бога, если мы останемся при буквѣ и ничего не будемъ искать выше ея, такъ что если найдется какой либо грубый слушатель, онъ скажетъ: нехѣло прилагать слухъ къ Писанію, и познавать то, что въ немъ читается ¹⁾“.

Не только въ ветхомъ завітѣ, но и въ Евангеліи Оригенъ видѣлъ букву убивающую,—убивающую того, кто не духовно понимаетъ то, что въ немъ говорится. Напримѣръ, „если буквально принимать то, что сказано: *еще не съѣсте плоти Моєї, ни пиете крове Моєї* (Іоан. VI, 53), то эта буква убиваетъ. Хочешь, я представляю тебѣ и другую букву изъ Евангелія, которая убиваетъ. *Кто не имѣетъ меча, пусть продастъ одежду свою и купитъ мечъ* (Лук. XXII, 36). Вотъ и это буква Евангелія, но она убиваетъ. А если духовно принимаешь ее, она не убиваетъ, а будетъ въ ней духъ животворящій... Кто не умѣетъ слушать подобной буквы, тотъ соблазняется и отступаетъ отъ истины, подобно тѣмъ многимъ изъ учениковъ Спасителя, которые отошли отъ него, не уразумѣвъ рѣчи о хлѣбѣ животномъ (Іоан. VI, 61. 66). Но если вы сыны царствія (обращается Оригенъ къ своимъ слушателямъ), если напоены евангельскими тайнами, если въ васъ обитаетъ Слово, сдѣлавшееся плотію, вы знаете, что мы говоримъ“ ²⁾. Въ одной бесѣдѣ на книгу пророка Исаи Оригенъ относитъ къ людямъ, видящимъ одну букву какъ у пророковъ, такъ и въ Евангеліи, даже тогда, когда она несостоятельна, слова пророка: *слухомъ услышите, и не уразумѣете, и очами зрѣть будете и не увидите* (Ис. VI, 9), и при этомъ въ доказательство несостоятельности буквального смысла въ иныхъ мѣстахъ Евангелія, приводитъ одно мѣ-

¹⁾ In Ieremiam hom. XII, n. 1. P. c. c. T. XIII. col. 377—8.

²⁾ In Leviticum hom. VII, n. 5. P. c. c. T. XII, col. 487—8.

сто изъ него, которое является *ложью* по словамъ Оригена, если слѣдовать только буквѣ. „Спаситель и Господь нашъ говоритъ ученикамъ въ Евангеліи Іоанна: *впрудящій въ Меня дѣла, которая творю Я, и онъ сотворитъ, и больше сихъ сотворитъ* (Іоан. XIV, 12). Посмотримъ, сдѣлали ль что либо большее ученики. Что больше, какъ воскресить мертваго? Кто, не скажу, изъ насъ, но изъ апостоловъ воскресилъ мертваго? Исторія рассказываетъ, что Павелъ воскресилъ изъ мертвыхъ Евтиха (Дѣян. XX, 10) и Петръ Тавиѳеу (Дѣян. IX, 36—41). Это и другое подобное можно найти: но гдѣ тутъ большее? Спаситель возвращалъ зрѣніе слѣпымъ, и что важнѣе всего, давалъ зрѣніе такимъ, которые слѣпыми были отъ рожденія. Пусть представляютъ, какіе слѣпые отъ рожденія получили зрѣніе отъ рукъ апостоловъ. И другое многое желающій можетъ найти въ Евангеліи, больше чего не сдѣлали ни апостолы, ни ихъ преемники. Но слово Писанія вотъ что говоритъ: что Я сдѣлалъ этимъ (немощнымъ) тѣлеснымъ, вы сдѣлаете больше того. Я воскрешалъ изъ мертвыхъ тѣлесно, вы будете воскрешать изъ мертвыхъ духовно. Я давалъ слѣпымъ этотъ чувственный свѣтъ, вы будете невидящимъ давать свѣтъ духовный. И до настоящаго времени, я вижу, совершаются вѣрнѣйшими учениками Іисуса эти большія знаменія въ сравненіи съ тѣми тѣлесными, которые сотворилъ Іисусъ¹⁾. Въ бесѣдѣ на Евангеліе отъ Луки о третьемъ искушеніи Спасителя (гл. IV) Оригенъ начинаетъ изслѣдовать первыя слова только что прочитаннаго евангельскаго чтенія и извлекать по обычаю великія тайны, скрывающіяся въ простомъ словѣ, и при этомъ дѣлаетъ оговорку, что въ буквальномъ смыслѣ нельзя принимать этого Евангелія. „*Повелъ діаволъ Іисуса въ Іерусалимъ* (Лук. IV, 9). Это невѣроятно (говоритъ Оригенъ), чтобы діаволъ повелъ Сына Божія, и этотъ за нимъ слѣдовалъ. Онъ добровольно, какъ атлетъ, шелъ къ искушенію²⁾. И ког-

¹⁾ In Isaiam hom. VI, n. 4. P. c. c. T. XIII, col. 213.

да діаволь словами Писанія подкрѣпляетъ свои соблазнительныя предложенія Спасителю, проповѣдникъ обращается къ нему съ такими словами: „откуда у тебя, діаволь, знаніе того, что написано (въ библіи)? Не читалъ ли ты пророковъ? Не изучалъ ли божественныхъ изреченій? Хотя ты молчишь, но я отвѣчу за тебя. Ты читалъ не для того, чтобы самому сдѣлаться лучшимъ отъ чтенія святыхъ книгъ, но чтобы убить простотою пониманія друзей буквы“¹⁾.

Итакъ въ бесѣдахъ Оригена главное дѣло исканіе и указаніе таинственнаго смысла, — нравственнаго и аллегорическаго, и эта задача выдвигается на первый планъ во всѣхъ проповѣдяхъ Оригена безъ исключенія. Оригенъ не былъ въ этомъ случаѣ нововводителемъ, пролагавшимъ пути, прежде его никому неизвѣстные. Еще въ іудействѣ было пристрастіе къ аллегорическому толкованію Писанія, въ особенности у ерапевтовъ. Аристовулъ, а главнымъ образомъ извѣстный Филонъ своимъ примѣромъ утвердили и возвысили значеніе аллегорической экзегетики. Послѣдній, увлеченный идеями греческой философіи и въ то же время воспитанный въ уваженіи къ божественнымъ книгамъ отечественной религіи, чувствовалъ потребность привести въ согласіе произведенія греческаго философскаго гевія и высочайшее слово откровенія, и подъ вліяніемъ этого стремленія онъ отъискивалъ въ Писаніи такіе элементы, изъ которыхъ можно было бы построить стройную спекулятивную систему; и вотъ въ ветхозавѣтномъ Писаніи у него все является символомъ всеобщихъ идей, и ветхозавѣтная исторія обращается въ сплошную аллегорію. Оригенъ чувствовалъ большое уваженіе къ этому іудейскому философу-экзегету, и не разъ въ его твореніяхъ встрѣчаются ссылки на нѣкоторыхъ, хорошо сказавшихъ о томъ или другомъ предметѣ прежде него, имѣющія прямое отношеніе къ Филону²⁾, а иногда прямо

¹⁾ In Lucam hom. XXXI. P. c. c. T. XIII. col. 1879—1880.

²⁾ In Exodum hom. XIII. n. 3. P. c. c. T. XII. col. 391. Comment. in Matthaeum t. XV. n. 3. P. c. c. T. XIII. col. 1259.

называется онъ по имени, при чемъ признается его авторитетъ и слава, заслуженная имъ у людей самыхъ умныхъ и почтенныхъ ¹⁾. Кромѣ филоновскаго вліянія для Оригена не могло не имѣть значенія направленіе современной ему и хорошо ему извѣстной языческой литературы. И въ ней тогда была мода на аллегорію. Метродоръ лампсакійскій и Гераклідъ понтійскій всего Гомера превратили въ аллегорію. И Порфирій у Евсевія ²⁾ говоритъ, что Оригенъ научился прилагать аллегорію къ св. Писанію изъ постояннаго чтенія книгъ Херемона стоика и Корнута. Аллегоріи не чуждались и не могли чуждаться первые толкователи свящ. Писанія и въ христіанствѣ. Ее узаконялъ апостоль Павелъ, который называетъ законъ Моисеевъ сѣнію грядущихъ благъ, показываетъ не одинъ примѣръ аллегорическаго толкованія, и разъ, при опредѣленіи взаимнаго отношенія двухъ заветовъ подъ образомъ Агари и Сарры употребляетъ и самое слово аллегорія ³⁾ (Гал. IV, 22—7). Аллегорія есть у Варнавы, Климента римскаго и св. мученика Іустина. Но особенно она была въ силѣ въ Александріи, гдѣ сильнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, было философское направленіе у христіанъ, и гдѣ предшественники Оригена по огласительному училищу посредствомъ аллегоріи старались извлекать глубокія сокровища мудрости изъ слова откровеннаго. Такъ Пантенъ, по свидѣтельству Анастасія Синаита ⁴⁾, прилагалъ къ Іисусу Христу и Его церкви первая главы книги Бытія, въ особенности описаніе земнаго рая. А Климентъ александрійскій, непосредственный учитель Оригена, въ самыхъ

¹⁾ Comm. in Matth. t. XV. n. 3. P. e. c. T. XIII. col 1259.

²⁾ Церк. Ист. VI, 19.

³⁾ *Писаніе есть, яко Авраамъ два сына имѣ: единаго отъ рабы, а другаго отъ свободныя. Но иже отъ рабы, по плоти родися; а иже отъ свободныя, по обѣтованію. Яже суть иносказаніа (ἀλληγορίαι): сѣ бо еста два завета...*

⁴⁾ Anastasii Sinaitae Anagogicarum contemplationum i. VII. Patr. e. c. LXXXII, col. 962.

евангельскихъ разсказахъ читалъ указанія на такія вещи, какихъ не подозрѣвалъ въ нихъ держащейся буквы ¹⁾).

Оригенъ съ полною охотою усвоилъ взгляды своихъ предшественниковъ, такъ гармонировавшіе съ настроеніемъ его философской мысли, законъ аллегоріи распространилъ на всю біблію вообще и на всѣ изреченія ея въ частности, и вездѣ въ Писаніи искалъ тайтвеннаго знаменованія, вышаго разума. Этотъ высшій разумъ не данъ прямо буквою Писанія: онъ нѣчто сокровенное и глубокое. Пужна работа, необходимо напряженіе мысли чтобы открыть и выяснить это сокровенное, чтобы снять покрывало, заслоняющее отъ взора сокрытую, глубоко лежащую истину. И вотъ, когда совершается эта работа, чувствуется нѣчто произвольное въ движеніяхъ мысли, и результаты, ею добываемые, кажутся висящими на воздухѣ, т. е., не имѣющими твердыхъ объективныхъ основаній. Священное Писаніе является собраніемъ безчисленнаго множества символическихъ знаковъ или загадокъ, и отъ изобрѣтательности и остроумія толкователя зависитъ подъ символическими знаками подставить такое или иное знаменованіе, загадкѣ дать такое или иное разъясненіе. Оригенъ обыкновенно не столько извлекаетъ смыслъ, имъ развиваемый, изъ такого или другаго мѣста Писанія, онъ скорѣе подставляетъ его подъ букву, имъ толкуемую, и при этомъ онъ мало беспокоится о томъ, сознавали ли такъ, какъ онъ толкуетъ букву Писанія, начертившіе ее священные писатели. Онъ хочетъ угадать и исчерпать мысль Духа Божія, въ рукахъ котораго священные писатели были простыми орудіями, и эти писатели могли не проникать всю ту глубину мудрости, какую Духъ Божій для позднѣйшихъ временъ включилъ въ букву, ими написанную. Для мысли толкователя открыть такимъ образомъ полный просторъ. Толкователь является не пассив-

¹⁾ См. сочиненіе: *кто изъ богатыхъ спасется?*

нымъ лицомъ, тѣсно связаннымъ буквою, а творцомъ или самодѣятельнымъ мыслителемъ: буква для него не узда, не ограниченіе и указаніе, а толчекъ къ такому или иному ряду мыслей. Изъ своихъ знаній, изъ мыслей, или соображеній, занимающихъ голову толкователя, онъ можетъ ставить при толкованіи тѣ, какія ему любы. Единственное основаніе, котораго онъ держится, и на которое онъ опирается, — это болѣе или менѣе близкія и отдаленныя аналогіи между знакомъ и значимымъ, между буквою и ея таинственнымъ смысломъ. Изобрѣтательная мысль Оригена не затруднялась проводить эти аналогіи тамъ, гдѣ для другой, менѣе подвижной и гибкой, мысли не видно было между сближаемыми предметами никакихъ соотношеній. Аллегорія въ рукахъ такого остроумнаго и сильнаго мыслителя, какимъ былъ Оригенъ, явилась слишкомъ растяжимымъ средствомъ, при пособіи котораго можно извлекать изъ Писанія какіе угодно аккорды, какіе угодно тоны. Другой не посмѣлъ бы дѣлать такихъ сближеній, какія встрѣчаются на страницахъ бесѣдъ Оригена, на основаніи которыхъ онъ указываетъ какъ главный и существенный смыслъ Писанія представленія, на самомъ дѣлѣ очень отдаленныя. Онъ изъясняетъ первыя главы книги Бытія о твореніи міра и читаетъ здѣсь указанія на духовный благодатный міръ: свѣтила напримѣръ небесныя, о которыхъ говорится при описаніи твореній четвертаго дня, — это Христосъ и Его церковь, — Христосъ — солнце, этотъ свѣтъ міра, сіяющій не заимствованнымъ свѣтомъ, а луна — церковь, заимствующая свѣтъ отъ солнца Христа¹⁾; а звѣзды — Моисей, Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Исаи, Іеремія, Іезекіиль, Данииль, Давидъ и всѣ, благоугодившіе Богу²⁾. Въ исторіи Авимелеха, желавшаго взять себѣ въ супружество Сарру, Сарра представляется добродѣтелию, которая

¹⁾ in Genesim hom. 1. n. 5. 6. P. c. c. T. XII. col. 150.

²⁾ Ibidem. n. 7. P. c. c. T. XII. col. 151.

соединяется съ мудрымъ и вѣрнымъ мужемъ; Авимелехъ образъ мудрыхъ вѣка сего, которые, занимаясь философіею, хотя не владѣютъ полнымъ и совершеннымъ правиломъ благочестія, но чувствуютъ, что Богъ есть отецъ и царь всего, и по возможности заботятся о чистотѣ сердца, жена Авимелеха—есть естественная философія, а служанки—различныя пустыя сказки и вымыслы¹⁾. Въ другой бесѣдѣ о явленіи Бога Исааку у кладезя влѣтвеннаго и о договорѣ его съ Авимелехомъ, царемъ филистимскимъ, Исаакъ является образомъ Слова, говорившаго въ законѣ и пророкахъ, Авимелехъ, относившійся къ Исааку иногда дружелюбно, а иногда враждебно,—образъ естественной философіи, которая въ иномъ согласна съ словомъ Божиимъ, въ другомъ несогласна. Когда рассказывается, какъ пришли къ Исааку въ Вирсавію Авимелехъ царь, Ахузаѣъ, другъ его, и Филехъ, военачальникъ его, Оригену кажется, что здѣсь указаніе на три части философіи: логику, физику и пнеику²⁾. Изъясняетъ Оригенъ исторію десяти казней египетскихъ,—Моисей, чрезъ котораго Богъ посылаетъ казни на Египеть, является у него образомъ закона, даннаго міру для его исправленія, десять казней—это десять заповѣдей закона Божія; жезлъ, которымъ Моисей и Ааронъ совершали чудеса предъ фараономъ и Египтомъ,—это крестъ Христовъ, которымъ побѣждается міръ сей, и которымъ приобрѣтается торжество надъ княземъ міра сего съ его властями и силами; змѣй, въ который превратился брошенный жезлъ, и который пожралъ змѣевъ волхвовъ египетскихъ,—это мудрость, какъ показываетъ Евангеліе, когда говоритъ: *будьте мудры, какъ змии* (Матѣ. X, 16). Воды, по удару жезла превратившіяся въ кровь,—обманчивыя и ложныя ученія философовъ, которыя уловляли малыхъ смысломъ, подобно той рѣкѣ, которой предавали младенцевъ еврейскихъ, обречен-

¹⁾ In Genesim hom. VI. n. 1. 2. 3. P. c. c. T. XII. col. 195—7.

²⁾ In Gen. hom. XIV. P. c. c. T. XII. col. 236—8.

ныхъ на смерть. Жабы—стихи поэтовъ, квакающихъ на подобіе лягушекъ, и разносящихъ по міру пустыя басни; сквишпы—діалектическое искусство, которое дѣйствуетъ на душу утонченными остріями слова и такъ хитро овладѣваетъ ею, что она и не видитъ и не понимаетъ, откуда уловлена, подобно тому какъ эти миниатюрныя животныя, едва видимыя глазу, летая по воздуху, сильно жалятъ тѣло, но такъ, что ужаленный ими, чувствуетъ боль, но не видитъ, откуда она. Песѣи мухи сравниваются съ сектою циниковъ, которые при другихъ нечестіяхъ своего оболъщенія проповѣдуютъ, что удовольствіе и сладострастіе высшее благо человѣка. Моромъ скотовъ изображается глупость и безуміе тѣхъ смертныхъ, которые, подобно неразумнымъ скотамъ, закрыли имя Божіе различными образами, начертанными на деревѣ и камняхъ, и чтутъ въ оныѣ—Юпитера Аммона, въ собакѣ—Анубиса, въ быкѣ—Аписа и т. д. Чирьи (въ шестой казни)—коварная и нечистая злоба, нарывы—надутая гордость, воспаленіе—безуміе гнѣва и ярости и т. д. ¹⁾ Нужно ли приводить еще примѣры въ показаніе того, какъ произвольно и свободно Оригенъ выставляетъ на видъ глубокое знаменованіе, скрытое въ томъ или другомъ мѣстѣ Писанія? Такихъ примѣровъ можно было бы привести тысячи; можно было бы передать содержаніе всѣхъ бесѣдъ Оригена. Но для нашей цѣли, для уясненія той свободы, съ какою Оригенъ пользуются своею экзегетическою методою, полагаемъ, вполне достаточно и тѣхъ примѣровъ, какіе только что привели мы.

Понятно всякому, что при той манерѣ, какую мы видимъ въ толкованіяхъ Оригена, смыслъ, выставленный имъ въ томъ или другомъ мѣстѣ Писанія можно замѣнить другимъ, третьимъ и пожалуй четвертымъ: видимой несообразности при этомъ не будетъ никакой. Правда, Оригенъ опровергаетъ иныя аллегорическія толкованія, прежде него сдѣ-

¹⁾ In Exodum hom. IV, n. 6. P. c. c. T. XII. col. 321—2.

ланныя. Но при сличеніи его изъясненія съ смысломъ, имъ опровергаемымъ, трудно бываетъ рѣшить, гдѣ больше (не говоримъ глубины) экзегетической искусственности и произвола,—у Оригена ли, или у тѣхъ экзегетовъ, которыхъ онъ считаетъ нужнымъ опровергать. Такъ въ бесѣдѣ о Лотѣ и его дочеряхъ, приступая къ аллегорическому толкованію этой исторіи, Оригенъ замѣчаетъ: „Я знаю, что иные относили Лота къ лицу Господа, а его дочерей къ двумъ завѣтамъ. Но кто знаетъ, что Писаніе говоритъ объ аммонитянахъ и моавитянахъ, происходящихъ отъ потомства Лотова, тотъ едва ли охотно приметъ это. Ибо какъ можно прилагать къ Христу то, что происходящія отъ Его сѣмени не войдутъ въ церковь Господню даже до третьяго и четвертаго поколѣнія? А мы, сколько можемъ понимать, въ Лотѣ видимъ образъ закона., а въ его женѣ тотъ народъ, который изшедши изъ Египта и прошедши Чермное море, и избавившись отъ преслѣдованій фараоновъ, какъ отъ содомскаго огня, опять пожелалъ мясъ и яствъ, луку и огурцовъ египетскихъ, обратился назадъ и погибъ въ пустынь... Двѣ дочери Лота ясно описываетъ пророкъ (Иезекииль, XXXIII), когда говоритъ, что были двѣ сестры, Огола и Оголива, и Огола была Іерусалимъ, а Оголива Самарія. На двѣ части раздѣлился народъ, далъ двухъ дочерей закона ¹⁾“. Или въ бесѣдѣ о повивальныхъ бабкахъ, которымъ приказано было фараономъ убивать еврейскихъ младенцевъ мужескаго рода, Оригенъ высказываетъ, что „нѣкоторые прежде насъ въ этихъ повивальныхъ бабкахъ видѣли образъ разумнаго естественнаго ученія, такъ какъ повивальныя бабки владѣютъ нѣкоторымъ врачебнымъ искусствомъ и помогаютъ какъ раждающимся младенцамъ, такъ и женщинамъ. И изученіе естественнаго знанія... всѣхъ наставляетъ, всѣмъ оказываетъ помощь. И если кто при этомъ изученіи будетъ

¹⁾ In Genesim hom. V. n. 5. P. c. c. T. XXII. col. 192—3.

мужественнаго духа и захочет искать небеснаго и изслѣдовать божественное, тотъ, благодаря такому изученію, окажется способнѣе къ пониманію божественнаго... Однако мнѣ кажется, что эти двѣ повивальныя бабки образъ двухъ завѣтовъ, такъ какъ о нихъ говорить Писаніе, что онѣ боялись Бога и не исполнили приказаній царя египетскаго, и Сенфора означаетъ законъ, а Фуа — Евангеліе. Отъ нихъ, какъ отъ повивальныхъ бабокъ, получаютъ помощь души, раждающіяся въ церкви; потому что изъ чтенія Писанія пріобрѣтается ими все полезное. Фараонъ пытается убивать чрезъ нихъ сыновъ церкви, когда внушаетъ инымъ, занимающимся божественными Писаніями, еретическія мысли и превратныя догматы. Но, стоитъ непоколебимо основаніе Божіе ¹⁾“... Читатель видитъ, что смыслъ, даваемый Оригеномъ какъ исторіи Лота, такъ и исторіи о повивальныхъ бабкахъ египетскихъ имѣть не болѣе основанія, чѣмъ смыслъ, указанный здѣсь нѣкоторыми толкователями прежде него. Тотъ и другой коренится единственно въ субъективной мысли экзегета и построенъ на сближеніяхъ вещей, въ существѣ дѣла отдаленныхъ одна отъ другой, и конечно, Бытописатель отнюдь не имѣлъ въ виду, при передачѣ своего разсказа, того, что вложили въ него послѣ остроумные толкователи. Оригенъ самъ нерѣдко даетъ поводъ сомнѣваться въ состоятельности своихъ аллегорическихъ толкованій: онъ не держится твердо одного знаменованія, разъ даннаго тому или другому символу, тому или другому образу, но по случайному движенію мысли иногда толкуеть его такъ, другой разъ иначе. Бываетъ, что въ одной и той же проповѣди онъ сопоставляетъ нѣсколько знаменованій извѣстной вещи, расходящихся до противорѣчія. Разбивая изъясняемый имъ отдѣлъ библии на мелкія части, онъ не всегда заботится о томъ, чтобы выдерживалась строго мысль, подставляемая имъ подъ букву Писанія,

¹⁾ In Exod. hom. II, n. 2. P. c. c. T. XII. col. 306.

и не чувствуетъ неловкости, когда напримѣръ, трактуя объ обрядѣ жертвоприношеній, въ тельцѣ указываетъ и символъ плотской гордости, когда его приносить въ жертву простой человѣкъ, и символъ самаго Христа своею кровію примирившаго не только земное, но и небесное (Еф. 1), когда онъ приносится въ жертву первосвященникомъ, и въ нравственномъ смыслѣ—благодать крещенія въ оставленіе грѣховъ¹⁾). Подобныя разнорѣчія, болѣе чѣмъ заподозривающія экзегетическую точность аллегоріи, въ бесѣдахъ и толкованіяхъ Оригена вообще могли встрѣчаться довольно часто: у него аллегорія не тянется длинною непрерывною нитью, а постоянно прерывается, когда онъ для каждой частности готовъ искать особое самостоятельное значеніе, не сообразуясь строго какъ съ цѣлымъ текста, такъ съ предыдущимъ и послѣдующимъ. Кромѣ того, его аллегорія идетъ обыкновенно двумя независимыми путями: изъ текста посредствомъ аллегоріи онъ извлекаетъ два смысла,—нравственный и таинственный или догматико-теоретическій; тотъ и другой болѣею частію стоятъ особнякомъ, и Оригену мало нужды до того, есть ли между ними гармонія и соотвѣтствіе,—было бы только назиданіе въ томъ, что онъ представляетъ. При такой манерѣ толкованія, Оригенъ, изъясняя напримѣръ текстъ: *умеръ Иосифъ о всѣхъ братья его и весь родъ ихъ, а сыны Израилевы расплодился и размножились, и возрасли и усилились чрезвычайно, и наполнилась ими земля та* (Исх. 1, 6. 7), въ Иосифѣ въ таинственномъ смыслѣ указываетъ образъ Исуса Христа, подобно этому патриарху, проданнаго за тридцать сребренниковъ, до смерти котораго не увеличился народъ Божій, а послѣ смерти размножился народъ вѣрныхъ, и сыны Израиля разсѣялись повсюду, и умножилась ихъ земля и возрасли они чрезвычайно, --а въ смыслѣ нравственномъ подъ этимъ же образомъ онъ представляетъ наши плотскія чувства и страсти: если умерщвляемъ мы въ себѣ плотскія чувства, въ насъ возрастаютъ чувства духовныя,

¹⁾ In Leviticum hom. II. n. 2. 3. 4. P. c. c. T. XII. col. 413—419.

и число добродѣтелей увеличивается въ насъ, когда умираютъ въ насъ пороки; тогда наполняется въ насъ земля дѣлами добрыми, совершаемыми при посредствѣ тѣла ¹⁾.

Не обходилось безъ возраженій и осужденія такое искусственное толкованіе Писанія, подставляющее подъ каждую букву особый, болѣе или менѣе произвольный смыслъ, въ ней прямо не заключающійся. И это осужденіе громко раздавалось не со стороны только послѣдующихъ дѣятелей церковной письменности, въ родѣ Евстаѳія антиохійскаго и Епифанія Саламинскаго, а и въ средѣ пресвитеровъ и толкователей Писанія, современныхъ Оригену. Великій ученый авторитетъ не спасалъ его отъ нареканій, и они слышались по временамъ въ средѣ слушателей его бесѣдъ. Его обвиняли въ причудливой изворотливости его мысли, въ напрасномъ исканіи таинственнаго смысла тамъ, гдѣ его не было, въ произволѣ и туманности его аллегорій, и обвиненія эти, должно быть, были довольно настойчивы и страстны, потому что они вызывали у Оригена, обыкновенно спокойнаго и холоднаго изслѣдователя, отвѣтъ энергической и запальчивой. Ни мало не колеблясь отъ нихъ въ своихъ экзегетическихъ началахъ, твердо стоя на разѣ принятой имъ точкѣ зрѣнія, въ виду ихъ Оригенъ не разѣ долженъ былъ защищать себя предъ слушателями и нападать на тѣхъ, которые хотѣли совратить его съ пути, казавшагося ему путемъ краснымъ и единственно спасительнымъ. Такъ въ одной бесѣдѣ (о кладязяхъ, ископаныхъ Исаакомъ и заваленныхъ филистимлянами (Быт. XXVI)), Оригенъ открывается предъ слушателями, что на него нападаютъ за его толкованіе. „Если я (говоритъ онъ) начну обсуждать слова древнихъ и искать въ нихъ духовнаго смысла, если я буду стараться открыть покрывало закона, и показывать, что написанное въ немъ аллегорія, тогда я копаю кладязи; но тогда тотчасъ же поднимуть на меня осужденіе друзья буквы и будутъ строить ковы мнѣ,

¹⁾ In Exod. nom. I. n. 4. P. c. c. T. XII. col. 300—301.

будутъ постоянно возбуждать противъ меня вражду и преслѣдованія, отрицая, чтобы гдѣ-либо могла стоять истина, какъ только на поверхности земли. Но если мы отроки Исаака, мы возлюбимъ кладязи и источники воды живой, удалимся отъ сварливыхъ клеветниковъ и оставимъ ихъ на землѣ, которую они любятъ. Мы никогда не перестанемъ копать кладязи живой воды¹⁾. Другой разъ, приступая къ изъясненію книги Левитъ, и имѣя въ виду подъ распоряженіями ветхозавѣтнаго закона, въ ней заключающимися, указывать тайны царствія Божія, Оригенъ такъ начинаетъ свою первую бесѣду на Левитъ: »Какъ въ послѣдніе дни явилось въ сей міръ Слово Божіе, отъ Маріи облеченное плотію, и одно въ Немъ было видимо, а другое разумѣваемо досъ (видъ плоти въ Немъ открытъ былъ для всѣхъ, а непостижимъ и избраннымъ давалось познаніе божества); такъ, когда и пророками или законодателемъ приносилось людямъ слово Божіе, оно приносилось въ приличныхъ одеждахъ. Такъ и то слово, которое теперь находимъ, раскрывая книгу Левитъ, въ которой описываются обряды жертвоприношеній, и различіе жертвъ и служеніе священниковъ. По бубвъ, которая есть какъ бы плоть Слова Божія и оболочка божества Его, могутъ созерцать или слушать это достойные и недостойные. Но блаженны тѣ очи, которыя видятъ сокрытаго подъ покровомъ буквы божественнаго Духа, и блаженны тѣ, которыя къ слушанію этой буквы приносятъ чистый слухъ внутренняго челоуѣка. Иначе они въ этихъ рѣчахъ открыто будутъ чувствовать убивающую букву. Ибо если я, согласно съ нѣкоторыми изъ нашихъ, послѣдую простому разумѣнію, и безъ всякаго изворота слова и безъ всякаго тумана аллегоріи (какъ они обыкновенно смѣются надъ нами), начну изъяснять слова законодателя, и духовный (ecclesiasticus¹⁾, живущій подъ вѣрою Христовою и поставленный среди церкви, авторитетомъ божественной заповѣди долженъ быть побуждаемъ къ тому, чтобы закалатъ

¹⁾ In Genesim hom. XIII, n. 3. P. c. c. T. XII col. 232.

въ жертву тельцовъ и агнцовъ и приносить чистую пшеничную муку съ ладаномъ и масломъ. Это дѣлаютъ тѣ, которые побуждаютъ насъ служить исторіи и сохранять букву закона. Но время намъ противъ нечестивыхъ пресвитеровъ воспользоваться словами святой Сусанны, которыя они, отвергая исторію Сусанны, исключили изъ каталога божественныхъ книгъ. А мы ихъ принимаемъ и благовременно противъ нихъ самихъ произносимъ, говоря: *тъсно мнѣ отъ всюду; ибо если я сдѣлаю это, смерть мнѣ; а если не сдѣлаю, то не избѣжю отъ рукъ вашихъ. Лучше для меня не сдѣлать этого и впасть въ руки ваши, нежели согрѣшитъ предъ Господомъ* (Дан. XIII, 22. 23). Такимъ образомъ и мы пусть подпадемъ вашему злословію, если это неизбѣжно, — только бы познала истину слова Божія, сокрытую подъ покровомъ буквы, церковь, уже обращенная ко Христу Господу ¹⁾... Или въ бесѣдѣ на Іезекиіля, изъясняя рѣчь его къ Іерусалиму, гдѣ Іерусалимъ представляется подъ образомъ дѣвицы, брошенной при самомъ рожденіи и потомъ призрѣнной Богомъ, и измѣнившей ему (Іез. XVI), нашъ проповѣдникъ такъ оправдываетъ свою манеру толкованія Писанія: „Говорятъ мнѣ, не аллегоризируй, не изъясняй фигурально. Но пусть отвѣтятъ мнѣ: какъ Іерусалимъ имѣетъ груди, которыя то невидны, то поднимаются, имѣетъ пупъ, о которомъ говорится, что его не отрѣзали? Какъ можно повимать подобныя мѣста безъ аллегорическаго толкованія? *Поднялись груди твои и волосы у тебя выросли* (Іез. XVI, 7). Божественное слово со всею благопристойностію описываетъ то, что обыкновенно бываетъ съ тѣлами дѣвиць. *И волосы у тебя выросли; но ты была нага и непокрыта* ²⁾“.

В. Шьеницкій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ In Levit. hom. I. n. I. P. c. c. T. XII. col. 405—6.

²⁾ In Ezechielem hom. VI, n. 8. P. c. c. T. XIII. col. 716.